

Встречи цивилизаций, как подчас и встречи людей,— дело исторической случайности и исторической закономерности в равной степени. Встречи эти бывали разными: иные переходили в постоянное и уже непрекращавшееся общение, другие ограничивались недолгим знакомством, за которым следовали целые эпохи взаимного забвения, а затем новое «открытие», новые встречи. Так несколько раз на протяжении пяти столетий встречалась Европа с Японией, если считать с упоминания о неведомой стране Чипангу в знаменитой «Книге Марко Поло» XIII века.

Реальное знакомство европейцев с Японией произошло три века спустя. Это и была их первая встреча, первый диалог Запада и Востока. Оборвавшись в конце 30-х годов XVII века, непосредственные контакты почти не возобновлялись более двухсот лет. Но даже в Японию, закрытую для общения с внешним миром, в этот период просачивались сведения о европейских странах, а в Европе XVIII век стал поворотным этапом в интересе к Востоку и ценностям его культуры. Но только со второй половины XIX столетия настала эпоха взаимного сближения и пристального интереса, в том числе и в художественной культуре.

Первый период знакомства имел свои особенности и отличался от последующих. Он лишь отчасти затрагивал сферу художественной деятельности и носил больше общекультурный характер, не оказав существенного влияния на развитие искусства ни в Японии, ни в европейских странах. Но значение его было очень велико. Вероятно, без этой первой встречи и последующие были бы менее плодотворными. Не дав реаль-

ных художественных результатов, он подготовил почву для пробуждения внимания Европы XVIII века к Востоку, ее интереса к природе, к пейзажу и садовому искусству. В Японии он в косвенной форме повлиял на зарождение интереса к живой реальности, к человеческой личности, драматизму ее внутренней жизни.

Период первых контактов Европы и Японии был относительно коротким (всего около 80 лет), но сам их характер, возникшие и сохранившиеся до нашего времени произведения искусства, связанные с ними, книги, карты, письма и воспоминания современников дают возможность историку культуры попытаться объяснить особенности этого первого взаимодействия на фоне как крупных, так и более частных событий той эпохи. При этом само сравнение точек зрения европейцев на Японию и японцев на Европу, их сходство и различие дает возможность понять многие качества двух культур, их своеобразие.

Дошедшие до нашего времени материалы неравноценны по своему значению и неравновелики друг другу. Так, подробные описания всех сторон жизни Японии XVI — начала XVII века мы находим у десятков людей, живших там годами, а порой и десятилетиями, в то время как первые японцы, познакомившиеся с Европой,— это четверо юношей, принявших христианство и совершавших путешествие по католическим странам под руководством иезуитов, которые не только составили их маршрут, но и постоянно направляли их действия и размышления:

Что касается изобразительного искусства, то японские картины-ширмы, воссоздающие сцены прибытия в страну португальских кораблей и

процессии иноземцев на улицах японских городов, довольно многочисленны, хотя и однотипны. Сохранился также целый ряд произведений, выполненных японскими художниками в западной манере (они обучались у приезжего итальянского мастера). Гораздо меньше подобных «следов» пребывания в Европе японских путешественников, зато они крайне любопытны. Среди них — фреска в построенном Палладио в Виченце знаменитом Театро Олимпико, фреска в Ватиканской библиотеке в Риме, гравюры в изданиях рубежа XVI и XVII веков и ряд других.

И в литературных записях, и в изобразительных материалах интересно сопоставить, что именно фиксировалось, что казалось более важным и менее важным, как все это преображалось в сознании людей-современников, принадлежавших к разным культурам, с различными нравственными и эстетическими представлениями.

Первые приехавшие в Японию португальцы принадлежали к нации отважных мореплавателей и жестоких завоевателей, создававших колониальную империю, не задумываясь о методах и средствах. Они не были, как правило, людьми высокопросвещенными. Главным образом это были купцы и моряки, а также ревностные служители Ордена иезуитов, устремившиеся на Восток во вновь открытые земли для проповеди «истинной веры» и приумножения подданных португальской и испанской короны. В их задачу отнюдь не входило познакомить народы Востока с Европой Микеланджело и Шекспира. Правда, чтобы заинтересовать японцев, они рассказывали им о неведомых морях и континентах (не только о Европе и Азии, но и Африке и Америке), о началах астрономии и картографии, таким образом, невольно становясь носителями новых знаний и новых для Японии идей.

Со стороны японцев интерес к невиданным иноземцам и их культуре был скорее прагматически-материальным, в значительной мере внешним, а не глубинно-духовным, что имело свои исторические причины. Япония XVI века по своей социальной структуре и идеологической жизни была еще страной феодальной с соответствующими понятиями и нормами. Внутригосударственные и национальные проблемы были для нее

не только главными, но и единственными, в то время как Европа переживала коренной перелом, принесенный Возрождением и эпохой великих географических открытий, оказавшими огромное воздействие не только на художественное и научное мышление, но и на обыденный взгляд на мир. Когда сказочные дальние страны, в том числе и полуфантастическая Чипангу, стали реальностью даже для рядового человека.

Достаточно напомнить, что на картах, которые тайком изучал Магеллан перед началом своего знаменитого путешествия, вся восточная часть Азиатского материка была намечена лишь приблизительно, а полвека спустя, на карте Ортелиуса 1574 года имелись как очертания Корейского полуострова, так и островов «Иапан»¹.

Расцвет картографии в XVI веке был не случаен. Моряки и торговцы буквально вырывали из рук гравировщиков карт в Аугсбурге еще влажные оттиски, торопясь во все порты Европы, а оттуда — на Восток. Многие события не только в истории, но и в культуре XVI столетия оказались связанными с прибытием и отправлением кораблей, пересекавших все моря и океаны, прокладывавших пути в неведомые земли. Когда один китайский парусник вынужден был 23 сентября 1543 года из-за тайфуна пристать к небольшому острову Танэгасима у южной оконечности Кюсю, то находившиеся на борту трое португальцев стали первыми европейцами, ступившими на японскую землю². Вскоре в Японии побывал Фернандо Мендес Пинто, автор знаменитой книги «Странствия», написанной, правда, двадцать лет спустя, но содержащей самые ранние сведения европейского наблюдателя об этой стране³.

Уже в 40-х годах появились записки о Японии, принадлежавшие испанцу Гарсиа де Эскаланте Альвардо и португальцу Жоржи Алваресу.

Весьма любопытно, какой увидели европейцы Японию XVI века, что именно в ее природе, внешнем облике ее жителей, их обычаях и нравах больше всего поразило иноземцев. Но интересно также, какими они сами предстали перед японцами, что показалось в них наиболее примечательным и бросающимся в глаза обитателям вновь открытой страны.

Гарсиа де Эскаланте сам не бывал в Японии и основывался на сведениях моряка П. Диеса, посетившего ее в 1544 году⁴. Он рассказывает о стране, ее природных и климатических условиях («очень холодная»), описывает внешний вид японцев («приятные на вид», «бритоголовые»), говорит о сходстве японского письма с китайским, а язык ему кажется близким немецкому⁵. Путешествие Алвареса относится к 1547 году, и, передавая собственные наблюдения, он точнее и детальнее в своих описаниях. Как и Эскаланте, он затрагивает особенности одежды, жилищ, продуктов питания и тому подобное, подчеркивает приветливость японцев в отношении к иностранцам, что разительно отличает их от других азиатских народов, особенно китайцев. Алварес отмечает большую любовь японцев к театру и музыке. От его внимания не ускользнула их приверженность к различного рода церемониям и тщательному соблюдению правил поведения в различных ситуациях

Первым европейцам бросилось в глаза, что и японцев многое удивляет в их собственных обычных привычках.

Вот как писал Ф. Мендес Пинто об одном эпизоде, имевшем место при дворе «короля» Бунго (одного из владетельных князей на острове Кюсю): «(...) нас всех пятерых, остановившихся в доме одного из своих казначеев, он пригласил и попросил нас из любви к нему поесть в его присутствии руками, как это принято у нас, потому что королеве это зрелище доставит большое удовольствие. Король немедленно велел накрыть нам стол всяческими лакомствами, очень чисто и вкусно приготовленными, которые приносили очень красивые женщины. Мы приняли за предложенные нам яства с большой охотой, причем шутки и любезности, которые говорили нам дамы, особенно же остроты, которые посыпались со всех сторон, когда увидели, что мы едим руками, доставили значительно большее удовольствие королю и королеве, чем все духовные драмы, которые мы могли бы представить. Ибо, поскольку этот народ, как я уже не раз говорил, привык есть с помощью двух палочек, он почитает великой неопрятностью брать пищу прямо в руки, как это делаем мы»⁷.

Для обозначения прибывших в их страну иностранцев японцы стали использовать китайское понятие «южные варвары» (по-японски намбан), что заключало в себе не столько пренебрежение, свойственное этому понятию в контексте китайской традиции, сколько отличие их от японцев, а их манер, обычаев и представлений — от считавшихся общепринятыми⁸.

«Эти люди — торговцы в Сэй-намбан, то есть в юго-западной стране варваров. Они до известной степени понимают различие между Высшим и Низшим, но я не знаю, есть ли у них настоящая система церемониального этикета. Они едят пальцами, а не палочками, как мы. Они выказывают свои чувства без всякого самообладания. Они не понимают смысла письменных знаков. Это люди, которые проводят свою жизнь в переездах туда и сюда. У них нет постоянного жилья, и они меняют вещи, которые у них есть, на те, которых у них нет, но при всем при том они безвредные люди». Таково было записанное в одной из японских хроник того времени мнение китайца с парусника, приставшего в Танэгасиме⁹.

После первого знакомства началось более, пристальное вглядывание друг в друга, постепенное узнавание. Прибывшие вслед за торговцами католические миссионеры стали находить пути к более тесным контактам с представителями всех сословий, начали изучать культуру Японии, ее политическую жизнь и социальное устройство.

40—50-е годы XVI века были трудными в истории Японии. Междоусобные феодальные войны вспыхнули еще в конце прошлого века, став началом столетнего «Смутного времени» (Сэнкоку дзидай). Вся страна была раздроблена на воевавшие друг с другом отдельные княжества во главе с феодалами-даймё, которые имели собственную армию и вели самостоятельную экономическую политику, недаром первые европейцы называли их «королями». Действуя независимо от центрального правительства, номинально стоявшего во главе государства и помещавшегося в столичном городе Киото, даймё были заинтересованы в установлении непосредственных контактов с иностранными купцами и привлечении в свои портовые города иностранных кораблей.

Однако основной прогрессивной тенденцией в

Портрет Тоётоми Хидэёси
Конец XVI в.
Музей
Осака

истории Японии того периода была тенденция к объединению и созданию единого сильного государства. Роль объединителей страны выпала на долю военного диктатора Ода Нобунага и его преемника Тоётоми Хидэёси, ставших главными героями японской истории конца XVI века и неоднократно упоминавшихся в записках европейцев.

В условиях войн и междоусобиц интерес к невиданным белокожим, высокого роста иноземцам сразу же получил чисто прагматический оттенок: они привезли с собой не известное в Японии огнестрельное оружие — железные мушкеты, стрелявшие круглыми пулями. Враждовавшие княжеские кланы наперебой стали заказывать при-

езжавшим португальским купцам большие партии мушкетов, еще долгое время так и называвшихся «танэгасима», по названию острова, где впервые высадились европейцы. Вскоре искусные японские оружейники научились сами изготавливать такие же мушкеты, а в 1556 году, как пишет Меидес Пинто, в одном только городе Фунай (современный Оита) их было уже тридцать тысяч¹⁰. Так мушкет стал первым предметом, олицетворявшим для японцев возможности европейской цивилизации.

Не меньший интерес вызывали португальские нао — большие килевые парусные суда, способные поднимать тяжелые грузы и пригодные для длительных морских путешествий. И тоже спустя сравнительно небольшой период времени японские мастера при консультациях португальцев, а позднее — испанцев и англичан научились строить суда водоизмещением в 700 и 800 тонн¹¹.

Павильон Хиункаку в монастыре
Нсикхонгандзи
Киото
Конец XVI в.

Но больше всего соприкасались японцы с европейцами-миссионерами, распространявшими христианство. Первые миссионеры увидели разоренную войной страну, разрушенные и сожженные города; они поняли, что реальной властью не обладает не только император, но и сёгун — военный правитель, который по статусу стоил во главе государства. Свергнувший сёгуна и захвативший власть Ода Нобунага поддержал деятельность миссионеров, так как в его политике объединения страны враждебную ему позицию заняло буддийское духовенство, противовес которому он увидел в иезуитах. Он официально разрешил им проповедовать христианское учение, дал согласие на постройку церквей и открытие семинарий.

Его преемник Тоётоми Хидэёси первоначально также был сторонником христианства, имел дружеские связи с видными деятелями Ордена и даже пользовался консультациями европейцев при строительстве своих укрепленных замков. Он мирился с тем, что в течение нескольких лет Нагасаки, ставший главным портом, куда прибывали европейские корабли, не только был центром миссионерской деятельности, но фактически принадлежал иезуитам¹². Однако вскоре до Японии стали доходить сведения с Филиппин и Малай-

зии, что вслед за миссионерами в стране появляются войска и начинается колонизация, подчинение иноземцам. В 1587 году был выпущен первый указ о запрещении христианства, который реально явился лишь ограничительной мерой. Более серьезные последствия имели распри иезуитов с прибывшими францисканскими и доминиканскими миссионерами, соперничество португальцев с испанцами и угрозы последних призвать армию и флот. Опасавшийся за независимость Японии Хидэёси в 1597 году издал второй антихристианский указ, запрещавший всякую миссионерскую деятельность и предписывавший всем священникам покинуть страну. Через год, после внезапной смерти Хидэёси, наступил период послаблений, окончившийся пятнадцать лет спустя уже жестокими мерами против христиан, арестами и массовыми казнями. Началось резкое сокращение контактов с европейцами, а в июне 1639 года правивший страной сёгун Токугава Иэмицу издал специальный указ о закрытии страны и начале политики полной изоляции. В указе говорилось, что ни один японский корабль не имеет права покинуть страну, а смертная казнь ждет не только того, кто попытается уехать за границу, но и того, кто захочет вернуться назад. Указ предписывал доносить обо

Храм Киёмидзудэра
Киото

всех тайно скрывавшихся христианах и уничтожать предметы, связанные с христианской религией¹³.

С этого времени всякие культурные и экономические контакты Японии с внешним миром были почти полностью прекращены. Исключение было сделано только для китайцев и голландцев, которым разрешалось жить на крошечном полуострове Дэсима в Нагасаки без права покидать свои кварталы и со строгим подчинением всем приказаниям местных чиновников. Япония на два с половиной столетия затворилась от внешнего мира.

Однако за девяносто лет до этого картина была совершенно иной, и первые миссионеры, ослепленные надеждами на успех своей деятельности, писали о Японии в самых доброжелательных тонах. Начал проповедь христианства в стране Франциск Ксавье, один из основателей Ордена иезуитов, впоследствии канонизированный фанатичный «апостол Индии». Он прибыл в город Кагосима на южном побережье Кюсю в августе 1549 года вместе с Косьма де Торресом и Жуаном Фернандесом¹⁴. С этого момента количество информации, отправлявшейся из Японии в Европу, резко возросло.

Сами задачи миссионерской деятельности требовали довольно тщательного изучения местной культуры, языка, религиозных и нравственных представлений. Многочисленные записки иезуитов, их письма и донесения в Рим и Мадрид содержат значительное число интереснейших сведений о Японии XVI века, в том числе о городах и архитектурных сооружениях в них, о крепостях и дворцах феодалов и правителей страны, о верованиях и праздниках, обычаях, нравах, отношениях между различными социальными группами, общественных ритуалах и т. п. В них вкраплены описания дворцовых интерьеров с росписями знаменитых художников, упоминаются театральные представления и чайные церемонии. Наконец, в них содержатся соображения о моральных качествах японцев, особенностях их характера, взаимоотношениях друг с другом и с иностранцами.

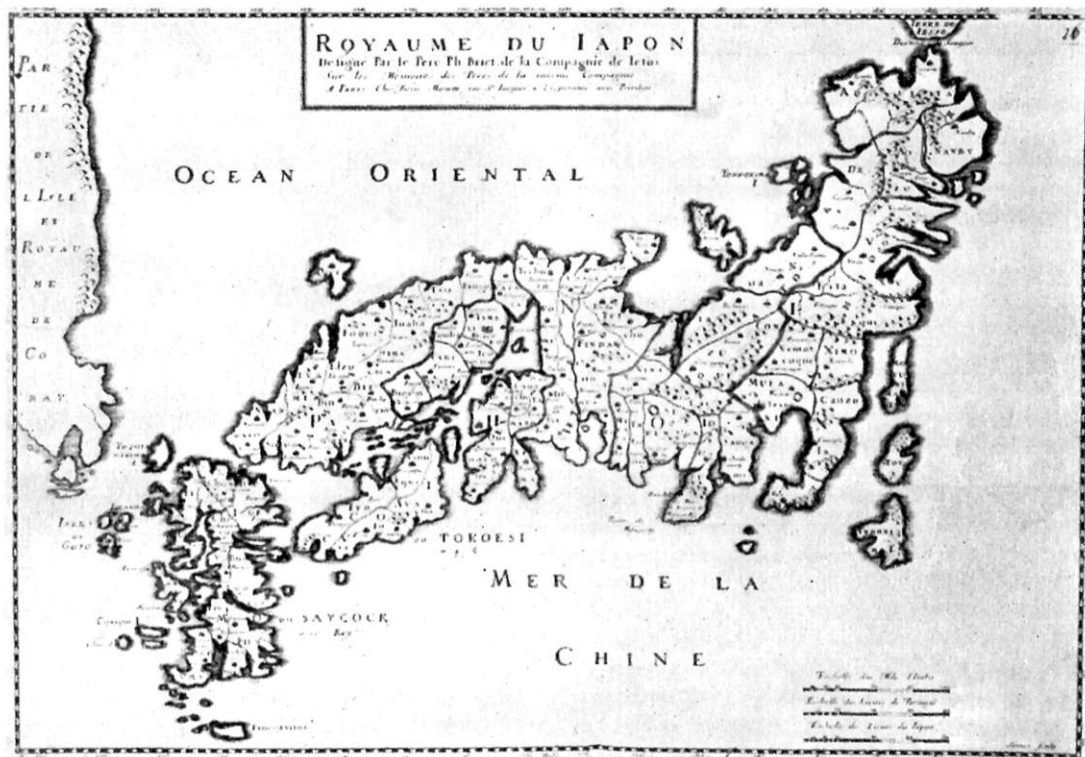
Одно из первых обстоятельных писем, получивших вскоре широкую известность в Европе,

Замок Мацумото. Нагано
Начало XVII в.

было послано Ф. Ксавье из Кагосимы (от 5 ноября 1549 года). Наряду с соображениями общего характера и подробными описаниями всего увиденного за первые шесть недель жизни в стране автор говорит о японцах, что это люди, самые лучшие из всех, с которыми ему приходилось встречаться, и что «среди язычников мы никогда не найдем другой расы, равной японцам». Его поразили не только их хорошие манеры, но главным образом высокое чувство чести, присущее как аристократам, так и простолюдинам¹⁵.

Конечно, сведения, посылавшиеся в Европу, имели самое практическое назначение: информировать корреспондентов об условиях проповеди христианства в этой стране, трудностях и удачах на этом пути, упомянуть и о своих собственных заслугах и рвении в службе интересам церкви и Ордена. Различные записки моряков и купцов также имели прагматический смысл — сообщить об условиях торговли и наиболее выгодных товарах, о портах и гаванях, устойчивых течениях и ветрах, недаром эти записки служили предметом купли-продажи, а нередко и целью шпионажа. Но по мере поступления все новых и новых сведений более ранние теряли острую актуальность и секретность, приобретая все большее культурно-историческое значение,

Карта Японии
Конец XVI — начало XVII века
Японии

становясь увлекательным чтением для сотен людей во всех странах Европы.

В этих записках и письмах точность и острота наблюдений, разносторонность описаний, верность многих деталей поражают даже нашего современника. Если рассматривать их не по отдельности, а в целом, они дают столь яркую и неповторимо живую картину Японии, ее городов, природы, обычаев и праздников, то делается понятным, почему в Европе эти записки переписывались, переиздавались и раскупались нарасхват. Они стали важной частью огромной «литературы путешествий», получившей в XVI веке самое широкое распространение и невиданную популярность. Еще в эпоху средневековья этот жанр литературы наряду с религиозными книга-

ми был главным чтением всех грамотных людей, занимательным в такой же мере, как и поучительным. А в XV—XVI веках с их пафосом освоения земных пространств литература путешествий сливалась с авантюрно-приключенческой, чем лучшим примером может служить уже упоминавшаяся книга Мендеса Пинто «Странствия». Кроме записок Эскаланте и Алвареса, уже с 1552 года в Европе стали появляться в рукописях, а затем и изданиях письма Франциска Ксавье, Космы де Торреса, Жуана Фернандеса. Сборники так называемых «Индийских писем» иезуитов переводились с португальского и испанского языков на латинский, французский, итальянский и немецкий. Особенно много подобных материалов печаталось по-итальянски в типографии иезуитов в Риме в конце 50-х годов, а с 1559 по 1568 — издательством Трамедзино в Венеции⁶. С 1578 года римский издатель Дзанетти стал вы-

пускать сборники «Индийских» и «Японских писем» иезуитов, переиздававшиеся во всей Италии, а затем в Париже, Лувэне, Диллингене¹⁷. Параллельно с итальянскими изданиями те же сборники выходили в Коимбре, Барселоне, Кордове. В издании 1570 года в Коимбре появилось 82 письма Ксавье невиданным по тому времени тиражом в тысячу экземпляров! А самая большая коллекция «Японских писем», изданная в 1598 году в Эворе, содержала 213 писем, некоторые из них по длине были сравнимы с небольшой книгой¹⁸. Понятно поэтому, что о Стране Восходящего Солнца во второй половине XVI века в Европе не только слышали, но знали много подробностей относительно общественного и государственного устройства, образа жизни, обычаев и нравов ее обитателей¹⁹.

Если Эскаланте получал свои сведения из вторых рук, а Алварес знал лишь немногие прибрежные районы острова Кюсю, то Франциск Ксавье, пешком прошедший из Кагосимы в Хирадо, а затем в Киото, уже мог составить себе довольно точное представление о стране, тем более что при нем постоянно находился принявший крещение японец Ядзиро, служивший ему переводчиком. Именно Ксавье впервые попытка войти в круг представлений, связанных с духовной жизнью Японии, ее государственным устройством и социальной организацией.

Ксавье пробыл в Японии в общей сложности два года и три месяца и посетил, кроме Кагосимы, такие крупные культурные центры того времени, как Киото, Хирадо, Ямагути, Хаката, Фунай, Сакаи. С точки зрения главной задачи — проповеди христианства — Ксавье и других иезуитов более всего в духовной жизни японского народа должны были заинтересовать проблемы религиозного сознания и отправления религиозных культов, чему II посвящены многие их письма. Но с этим было связано и все другое — от социальной структуры японского общества (поскольку крестились люди из разных классов) до понимания интеллектуальных возможностей своих главных оппонентов — буддийских священников²⁰.

Ксавье не раз писал о поразившем его широком распространении грамотности и в высших,

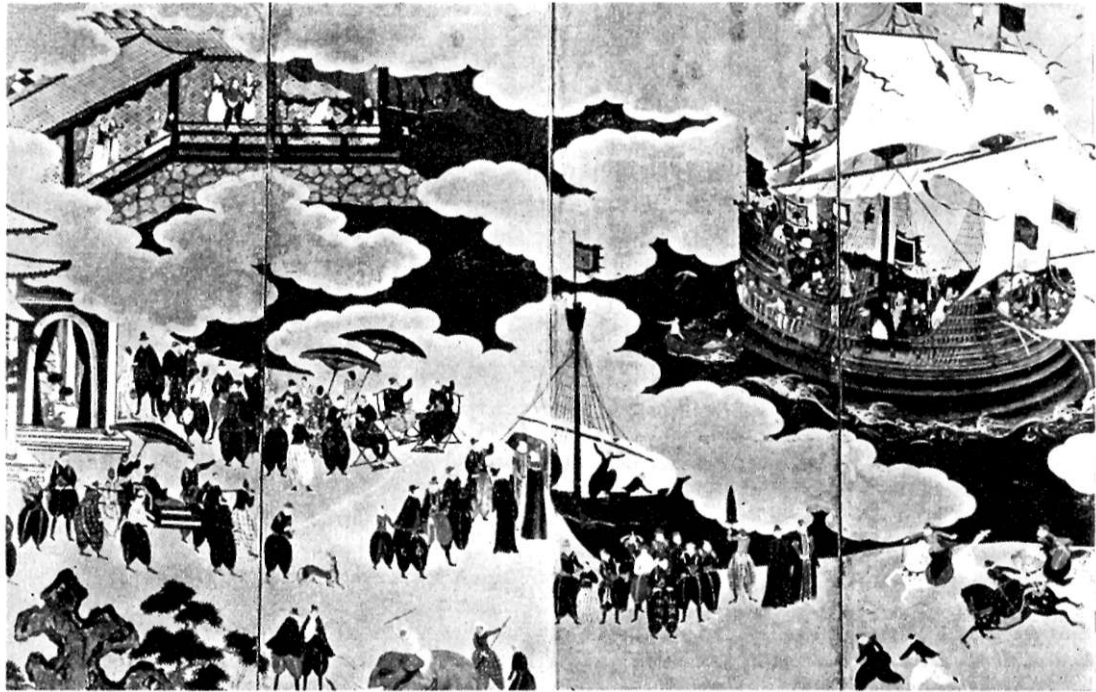
и в средних сословиях, а также о том, что в богатых семьях образование получают не только мальчики, но и девочки.

Постепенно иезуитам-проповедникам становилось ясно, что условия, в которых они оказались в Японии, весьма своеобразны. Хитрые дипломаты и умные политики, они использовали в своих интересах попавших в их окружение людей, старались расположить к себе правителей страны и наиболее влиятельных феодалов; они даже перенимали некоторые ритуалы и нормы поведения²¹. Очень скоро они осознали необходимость глубже вникнуть в основы национальной этики и национального характера, чтобы понимать мотивы тех или иных поступков.

Именно в силу этих особенностей деятельности иезуитов в Японии XVI века мы обладаем ценнейшими сведениями о ее истории и культуре, о людях и событиях, записанных очевидцами. С начала 60-х годов наступил новый этап освоения духовной культуры Японии, связанный с деятельностью Луиса Фруа, Алессандро Валиньяно и Жуана Родригеса.

Л. Фруа прибыл в Японию в 1563 году молодым человеком (ему был 31 год) и прожил там до самой смерти в 1597 году. Выучив японский язык и свободно владея им, он, как никто другой, сумел проникнуть в «тайны» Японии, ее политической жизни и экономики, социальных отношений и культуры. Он был одним из первых европейцев, кто осознанно и с увлечением стал систематически изучать духовную жизнь японского народа, постигать систему его нравственных представлений и ценностей. Л. Фруа как наиболее эрудированному человеку было даже поручено написать историю католической миссии в Японии (на широком фоне внутренней жизни страны и ее взаимоотношений с внешним миром)²². Составлявшиеся в течение многих лет записи Л. Фруа не были опубликованы, но, по всей вероятности, были использованы А. Валиньяно в его «Истории деятельности Ордена иезуитов на Востоке», вышедшей в Ватикане в 1642 году²³, а широкой публике стали известны многочисленные письма Л. Фруа, печатавшиеся в упоминавшихся иезуитских сборниках²⁴.

А. Валиньяно, видный деятель иезуитского Ор-

Картина-ширма с изображением прибытия португальского корабля. Деталь. Конец XVI века. Япония. Национальный музей Лиссабон

дена, занимавший важные административные посты на Востоке, трижды приезжал в Японию, оставаясь там по два-три года. Войдя в контакт с правителями страны, он использовал их покровительство не только для расширения миссионерской деятельности, но и для знакомства с памятниками культуры, праздниками и обрядами, обычаями и нравами всех слоев населения. Особенно его занимали сопоставления и контрасты Японии и Европы, которые он пытался не только отмечать, но и объяснять.

Ж-Родригес, который сопровождал Валиньяно и других высших сановников, посещавших Японию, в своих записках также оказался очень зорким наблюдателем и тонким комментатором увиденного в течение многих лет пребывания в стра-

не. Именно эти три автора — Фруа, Валиньяно и Родригес — оставили наиболее интересные высказывания и соображения, касающиеся японской культуры и искусства, отдельных памятников архитектуры, настенных росписей и произведений декоративно-прикладного искусства. Многие их наблюдения не утратили значения и для современного историка японской культуры. Так, например, почти всем европейцам бросалось в глаза широкое распространение грамотности и большое число различных учебных заведений, но один лишь Фруа справедливо отмечал отсутствие единой системы знаний, в том числе научных знаний, что так разительно отличало от Японии Европу XVI века²⁵. Он понял также, что проникнуть в смысл японского искусства, научиться понимать его язык важно не только само по себе (с точки зрения целей его деятельности в этой стране), но и для контактов с людьми, ибо в глазах образованных японцев это было и признаком

культуры, и важным достоинством человека. Иными словами, Фруа, а вслед за ним Валиньяно и Родригес осознали принципиальную важность искусства в системе японской культуры XVI века, связь эстетического начала с нравственным. Они были первыми, кто стал сознательно сопоставлять систему ценностей, существовавшую в японской культуре, с европейской-

Почти все европейцы отмечали повышенное значение этикета и многочисленных условностей, определявших отношения между людьми и их поведение при различных обстоятельствах. Одни, как, например, Лоренцо Мексия, видели в японских ритуалах лишь курьез: «У японцев такое множество церемоний, что никто не знает всех их, и у них есть много книг, посвященных только церемониям. Семь или восемь существуют только для того, чтобы выпить немного воды и более тридцати относительно пользования веером; и неопределенное множество относительно манеры еды и подношения подарков и поведения в обществе»²⁸. Но более вдумчивые видели в этих условностях одно из проявлений организации социальной и общественной жизни Японии. Классовая иерархия воспринималась европейцами по аналогии с собственной как законная упорядоченность, без которой немыслимо никакое государство. Странными же представлялись условности более личного характера. А. Валиньяно, например, подчеркивал, что японцы стараются скрыть чувство горя и озабоченности, никогда не говорят о своих огорчениях и болезнях, не жалуются и не сплетничают. Приходя в гости, они считают необходимым быть в хорошем настроении и беседовать на нейтральные темы в зависимости от обстоятельств. Все сложные и спорные вопросы они предпочитают решать через посредников и даже внутрисемейные конфликты выяснять не непосредственно, а путем писем или же третьих лиц²⁷. Что же касается самих ритуалов и церемоний, то Валиньяно подчеркивал в первую очередь их отличие от европейских, что представлялось их главным и характерным признаком: «У них есть ритуалы и церемонии, столь отличные от всех других наций, что они как бы нарочно стараются быть непохожими на всех других людей. Все, что они делают

в этом отношении, просто невозможно себе вообразить, и надо по праву сказать, что Япония — это вывернутая наизнанку Европа; все настолько странно и противоположно, что они практически ни в чем на нас не похожи. Отличие в еде, одежде, почестях, церемониях, языке, ведении хозяйства, в их способе торговли, строительстве, в том, как они сидят, как лечат раненых и больных, учат и воспитывают детей, и во всем остальном настолько велико, что его нельзя ни описать, ни понять. При этом все было бы не так удивительно, если бы они были просто варварами, но меня поражает, что во всем этом они ведут себя как очень рассудительные и культурные люди. Полная противоположность всему европейскому, хотя все их церемонии и обычаи развиты и разумны, вызывает огромное удивление любого, кто разбирается в таких вещах. Еще более поразительно, что они столь отличаются от нас и даже противоположны нам в отношении чувств и естественных привычек; я бы не осмеливался этого утверждать, если бы я не встречал многократно тому подтверждения. Так, их вкус настолько отличен от нашего, что они обычно презируют то, что нам особенно нравится, с другой стороны, нам невыносимо то, что нравится им»²⁸.

Но констатация непохожести и даже противоположности всего японского европейскому была лишь началом, за которым должно было последовать осмысление и изучение этого. И тут иезуиты пытались идти от внешне поверхностного к более глубокому и серьезному. Анализируя поведение японцев, почти все отмечали большую неприязнательность представителей всех сословий в их повседневных нуждах, особенно в еде. За трапезой важнее было не количество и разнообразие блюд, а красота сервировки, аккуратность и спокойствие самого процесса. В одежде европейцам, естественно, бросалось в глаза однообразие покроя платья-кимоно, различавшегося в зависимости от социального статуса владельца качеством ткани и нарядностью орнамента и варьировавшегося главным образом в зависимости от сезонов. Зато все отмечали огромное внимание японцев к своему оружию. Ф. Ксавье писал, что «(...) они предпочитают хорошее оружие, украшенное золотом и сереб-

**DE MISSIONE
LEGATORVM IAPONEN-
sium ad Romanam curiam, rebusq; in
Europa, ac toto itinere animaduersis
DIALOGVS**

**EX EPHEMERIDE IPSORVM LEGATORVM COL-
LECTVS, & IN SERMONEM LATINVM VERSVS
ab Eduardo de Sando Sacerdote Societatis
IESV.**

**In Macaensi portu Sinici regni in domo
Societatis IESV cum facultate
Ordinarij, & Superiorum.
Anno 1590.**

Титульный лист книги записок японских послов о пребывании в Европе Макао. 1590

ром, всему остальному на свете. Они носят меч и кинжал как в доме, так и вне дома и кладут их рядом с собой, когда спят»²⁹. Японцы связывали престижность левой стороны как наиболее почетной (по сравнению с правой у европейцев) с тем, что у левого бедра висит меч — символ доблести и чести самурая. Рассуждения об оружии, мечах неизменно связывались с рассуждениями о понимании достоинства и чувстве чести, чрезвычайно развитом у японцев. «Японцы очень высокого мнения о себе, потому что они считают, что ни одна другая нация не может сравниться с ними по части владения оружием и добле-

**RELATIONI
DELLA VENUTA
DEGLI AMBASCIATORI
GIAPONESI
a Roma fino alla partita di Lisbona.**

*Con le accoglienze fatte loro da tutti i
Principi Christiani, per doue
sono passati.*

Raccolte da Guido Guaitici.

**IN ROMA. Per Francesco Zannetti.
M. D. LXXXVI.
Con licentia de i Superiori.**

Титульный лист книги Г. Гуальтьери о японском посольстве в Европе Рим. 1586

сти», — писал Ф. Ксавье в уже цитировавшемся письме. Как и в Европе, с оружием связывались понятия долга и верности своему господину, вплоть до самопожертвования, считавшегося одной из высших добродетелей наряду с мужеством и презрением к смерти («Нет нации в мире, которая меньше бы боялась смерти»³⁰).

Европейцы с удивлением замечали, что высоко развитое чувство чести свойственно не только представителям высших сословий, но является как бы чертой национального характера. «Мне кажется, — писал А. Валиньяно, — что ни один народ в мире не проявляет такой щепетильно-

Картина-ширма
с изображением португальцев
Деталь
Конец XVI вена
Коллекция Такэда. Япония

Пороховница
с изображением португальцев
Вторая половина
XVI века
Дак. Муниципальный музей
Токио

Картина-ширма
с изображением карты мира
Деталь
Начало XVII века
Муниципальный музей
Коба

Карти па-ширма
с изображением португальцев
Деталь
Конец XVI века
Коллекция Такэда, Япония

Картшга-ширма
с изображением португальцев
Деталь
Конец XVI вена
Коллекции Такэда, Япония

сти в отношении своей чести, как японцы, потому что они не станут мириться ни с одним оскорблением или даже гневным словом <...>³¹.

Если понятия чести и долга казались миссионерам более понятными³², то ничего подобного нельзя было сказать о концепции духа и тела. Японцам была чужда идея греха в христианском смысле, и потому они совершенно иначе относились к удовольствиям и плотским радостям. Точно так же они не считали оскверненной девушку, которую отдавали на некоторое время в публичный дом, чтобы заработать деньги на приданое, а затем она возвращалась домой и вступала в брак. Миссионеры, естественно, возмущались этим обычаем и считали его примером бесстыдной аморальности японцев, как и совместное посещение мужчинами и женщинами общественных бань. С точки зрения европейских этических норм, это трудно согласовывалось с таким основополагающим представлением японцев, как культ чистоты, простиравшийся от элементарной чистоплотности в отношении тела и жилища до высоких представлений о внутренней чистоте и очищении духа.

Европейцев поражали черты характера и поступки, с их точки зрения, противоречивые и непоследовательные. В одном из своих отчетов, направленных в Европу, А. Валиньяно писал о японцах: «С одной стороны, они самые добродетельные люди, народ, который наиболее явно выказывает знаки внимания. Они так умеют сдерживать гнев и нетерпение, что в Японии почти невозможно увидеть ссору или услышать оскорбление как между самими японцами, так и по отношению к иностранцам (...) С другой стороны, это самый неискренний и фальшивый народ из всех известных на земле, поскольку с детства их учат никогда не открывать свое сердце, и они считают это добродетелью, а противоположное качество — недостатком до такой степени, что те, кто легко раскрывают свою душу, считаются недоумками и их презрительно называют «прямодушными людьми» <...>³³.

Высокая степень самообладания, умение скрывать боль, горе, не выказывать своих чувств — все это, относившееся по японским этическим нормам к положительным качествам человека.

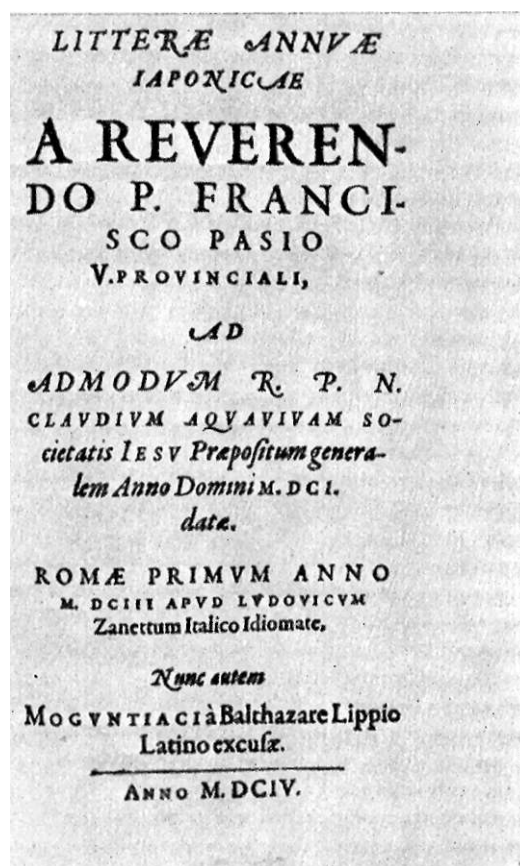
давало повод европейцам говорить о том, что японцы имеют три сердца: одно — фальшивое, открытое всему миру, другое — предназначенное для близких друзей, а третье — скрытое в глубине души и никогда никому не открываемое. Так писал Жуан Родригес, но при этом оговаривался, что их коварство не распространяется на торговлю и деловые сделки, где они, в отличие от китайцев, честны и порядочны³⁴.

Как всякие чужеземцы, пытающиеся описать и оценить все, что они увидели, католические миссионеры подходили к пониманию японской культуры через сопоставление со знакомым, «своим». Это касалось как отдельных мелких бытовых особенностей, так и более общих и фундаментальных представлений, всей системы ценностей, определявшей жизнь японского народа.

«Европейские женщины пользуются искусственными средствами, чтобы сделать свои зубы белыми; японские женщины используют железо и уксус, чтобы сделать рот и зубы черными». «Европейцы принимают ванну интимно у себя дома; в Японии мужчины, женщины и бонзы моются в общественных банях или вечером перед входом в свой дом». «В Европе мужчину сочли бы женственным, если бы он держал веер и пользовался им в общественном месте; в Японии было бы знаком низкого происхождения и бедности, если бы мужчина не имел веера за поясом и не пользовался им». «Наши театральные пьесы часто меняются и создаются новые; японские пьесы всегда те же самые и никогда не меняются». «Мы считаем гармоническую музыку приятной и нежной. В Японии все дружно воют, создавая чудовищный эффект. Мы считаем звучание клавирина, виолы, флейты и органа мягкими, но все эти инструменты для японца звучат резко и неприятно <...>³⁵. Наблюдения, принадлежащие Луису Фруа, казались европейцу странным курьезом, характеризующим скорее «мелкие недостатки» и причуды японцев, чем характерные признаки их культуры. Но когда в одном из писем А. Валиньяно говорилось о том, что представляется ценным в глазах японцев, то это задало уже более глубокие основы их мироощущения. «Не менее удивительно различное значение, которое они придают вещам, считающимся

в их глазах сокровищами Японии, хотя нам такие вещи кажутся тривиальными и детскими; они в свою очередь считают наши ювелирные изделия и камни никчемными. Вы, очевидно, знаете, что во всех районах Японии они пьют напиток, приготовленный из горячей воды и растертой в порошок травы, называемой «ча» (...) Поскольку они придают большое значение питью этого напитка, у них чрезвычайно ценятся чашки

Титульный лист книги Ф. Пасио о Японии
Рим. 1604

и сосуды, которые используют в этой церемонии. Очень часто один из таких сосудов — треножник, чашек или чайниц — можно получить за три, четыре или шесть тысяч дукатов или даже больше, хотя, на наш взгляд, они не стоят абсолютно ничего. Король Бунго однажды показал мне маленькую керамическую чайницу, которой мы бы не нашли лучшего применения, как поставить в птичью клетку, чтобы птицы из нее пили. Тем не менее он заплатил девять тысяч серебряных талеров или около четырнадцати тысяч дукатов, хотя я за нее не дал бы и ломаного гроша (...) Самое удивительное, что хотя делаются тысячи одинаковых чайниц и треножников, японцы ставят их не выше, чем мы. Наиболее ценные экземпляры были изготовлены определенными древними мастерами, и японцы мгновенно узнают эти дорогие вещи среди тысяч других точно так же, как европейские ювелиры отличают настоящие камни от фальшивых (...) Листок бумаги с нарисованной на нем птичкой или деревцем может продаваться у них за три, четыре или десять тысяч дукатов, если это работа признанного старого мастера, хотя, на наш взгляд, он не стоит ничего (...) Когда мы спрашиваем их, почему они тратят так много денег на эти предметы, которые сами по себе не стоят ничего, они отвечают, что они это делают по той же причине, по которой мы покупаем за большие деньги алмаз или рубин, что вызывает у них не меньшее удивление (...)»³⁶.

В полном непонимании и неприятии системы эстетических ценностей (за которой видятся ценности этические, уходящие корнями в глубины истории культуры, миропонимание народа) отражаются собственные запросы и установки европейского наблюдателя как представителя иного культурного мира. Его нормы и критерии не допускают даже попытки встать на более высокий уровень понимания увиденного. Чайный ритуал вообще не имел аналогий в европейской культуре и не воспринимался как художественная деятельность³⁷. Но картина в раме, написанная маслом, или монументальная фреска на стене, обычно со сложной многофигурной композицией, и «небольшой листок бумаги с нарисованной птичкой или деревцем» — что могло быть общего между ни-

ми, чтобы сравнивать или хотя бы обозначать одним и тем же словом «живопись»? На этот вопрос не могли ответить не только иезуиты конца XVI века, но и просвещенные ценители прекрасного три столетия спустя. Понадобились внутренние катаклизмы искусства новейшего времени, чтобы европейскому глазу открылся смысл художественной концепции японского средневекового живописца.

Однако если европейцы XVI века не могли оценить совершенство произведений японских художников, то культ красоты, свойственный этой нации и получавший разные формы выражения, был не только замечен, но и вызывал восхищение.

В своих длинных путешествиях по стране иезуиты видели множество красивейших пейзажей — горы, леса, водопады, — служивших местом паломничества наряду со знаменитыми буддийскими храмами и синтоистскими святилищами. Они наблюдали ежегодные, проходившие по всей стране, праздники любования цветущей вишней весной или листьями красных кленов и лунной осенью. Отмечая свойственное японцам преклонение перед красотой природы, католические миссионеры, конечно, не связывали его с религиозными концепциями. Для правоверного католика XVI столетия с его верой в единого бога как создателя всего сущего невозможно было представить себе природу не результатом божественного творческого акта, а самим божеством. Точно так же они не видели связи между буддийскими религиозными доктринами и чайной церемонией или искусством японских садов. Во всех монастырях и храмах они встречали множество больших и малых садов с кустарниками, камнями, галькой, совсем не похожих на то, что называлось садом в Европе. Но, как и чайный ритуал, они описывали сады чисто эмоционально, не пытаясь даже установить их смысловую символику. И тем не менее миссионеры в их попытках проникнуться японским ощущением красоты и совершенства интуитивно подошли к пониманию огромного значения эстетического сознания в духовной жизни этой страны. Иезуиты оставили подробные описания многих феодальных замков, описания городов, их планировки,

Титульный лист книги о японском посольстве в Европе Болонья. 1585

устройства отдельных кварталов и улиц. Их не могло не поразить то, с какой быстротой японцы возводили новые дома после опустошительных пожаров или других стихийных бедствий, частых на Японских островах. Франческо Карлетти, в частности, отмечал большую рациональность конструкции японского дома, стандартность всех деталей и их взаимозаменяемость. «(...) Дом можно возвести за два дня, поставив вертикальные столбы, поддерживающие его, на большие камни вместо фундамента. Эти камни, наполовину зарытые в землю, а наполовину поднимающиеся над ней, служат для того, чтобы дерево не соприкасалось с землей и не гнило. Далее они помещают поперечные балки, которые вставляются в пазы, имеющиеся на вертикаль-

пых столбах, а к балкам они прикрепляют панели, образующие стены комнат <...>³⁸.

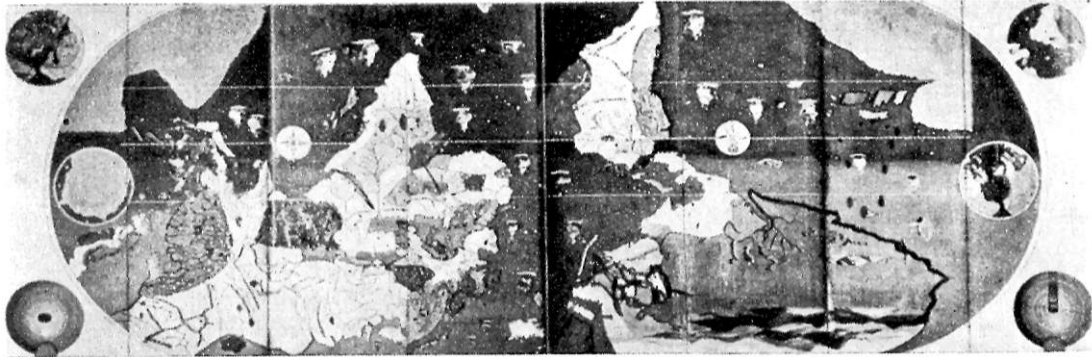
Еще более занимало европейцев внутреннее устройство домов, отсутствие мебели, обычай сидеть и спать на полу, устланном соломенными циновками. Бывавшие в резиденциях феодалов и богатых горожан миссионеры писали о раздвижных стенах, украшенных росписями, и о складных ширмах-картинах, служивших для разделения помещений. Их занимали сюжеты этих росписей, столь непохожие на произведения европейских художников, — большей частью изображения цветов, деревьев, птиц и животных. Ж. Родригес писал о повторяемости излюбленных мотивов, в частности пейзажей. Он касался даже их стилистики, отмечая, что художники не любят изображать много предметов сразу и даже во дворце пишут отдельные деревья или цветы, одинокие и пустынные пейзажи «в соответствии с их меланхолическим темпераментом»³⁹. Он замечал, что японцы не знают светотени, не умеют так, как европейские художники, изображать человеческую фигуру и правильно передавать ее пропорции⁴⁰.

Правда, описания произведений живописи, архитектуры, предметов декоративно-прикладного искусства были в ряду многих других рассуждений (об обычаях, о буддийских сектах, описаний встреч с разными людьми и т. п.). Иезуиты в своих записках не выделяли особо духовной культуры японцев, не видели в ней специального для себя интереса, если это не было связано с их проповеднической деятельностью. Не надо забывать, что они приехали в эту страну отнюдь не в качестве беспристрастных наблюдателей и почитателей ее культуры. Их интересы были определены и корыстны: подчинить Японию духовному влиянию католической церкви, а затем и католической монархии Филиппа II Испанского, захватить, вслед за пленением душ, материальные богатства и природные ресурсы страны, то есть превратить ее в колонию, как это и случилось со многими другими странами Востока. Их задачей было активное воздействие на каждого, кто потенциально мог быть обращен в христианство. Для этого иезуиты стали предпринимать конкретные шаги в пропаганде своих идей,

что выражалось не только в увеличении числа проповедей, строительстве церквей, но и в учреждении семинарий, распространении христианской литературы и религиозных изображений.

В конце 80-х годов иезуиты использовали свои типографии в Гоа и Макао, а с 1590 года, когда в Нагасаки был привезен печатный станок, стала выходить литература уже непосредственно в Японии (до самого 1614 года, когда христианство было запрещено, а все книги и изображения христианского содержания подлежали уничтожению). В отличие от миссионеров в Китае, использовавших широко известные на всем Дальнем Востоке методы ксилографической печати с деревянных досок, иезуиты в Японии печатали с матриц с подвижным шрифтом (сначала латинским, а позднее и японским). Издавались почти исключительно религиозные сочинения и календари⁴¹. Единственными светскими произведениями, напечатанными в Нагасаки, были «Басни» Эзопа и «Речи» Цицерона⁴¹. Это были переводы на японский язык, сделанные латинизированной азбукой ромадзи. В помощь японцам, изучающим латинский язык, и португальцам, изучающим японский, были выпущены переводы японской классической литературы, такие, например, как «Повесть о Тайра» и некоторые другие, но самое главное — изданы первые словари и учебники японской грамматики (в 1594, 1595 и 1598—99 годах). В 1603 году был издан самый полный японо-португальский словарь в 30 тысяч слов, включавший литературные и религиозные термины и даже учитывавший различие японских диалектов⁴³. Японская грамматика и первые лингвистические исследования по японскому языку принадлежали Жуану Родригесу. Они были изданы в 1604 году в Нагасаки и в 1620 году в Макао⁴⁴.

С деятельностью типографии в Нагасаки был связан выпуск первых в Японии гравюр на меди. Это были религиозные изображения, восполнявшие нужду в них среди все возрастающего числа христиан. Такая же практическая цель преследовалась при открытии художественных школ при семинариях и специальной студии в Нагасаки, которую возглавил итальянец Джованни Никколо. Он приехал в Нагасаки в 1583 году и свою работу в Японии начал с создания ал

Картина-ширма с изображением карты мира
Начало XVII в.
Япония
Муниципальный музей
Кобэ

тарных композиций для церквей на о. Кюсю, а также преподавания в школе Хатирао в Арима*⁵. Расширенная студия в Нагасаки была создана в 1603 году и просуществовала до 1614 года, после чего была переведена в Макао, где сохранялась до 1623 года.

Из-за гонения на христианство сохранилось сравнительно мало образцов гравюр и картин, выполнявшихся под руководством иезуитов в «западной манере». Это были главным образом копии попадавших в Японию произведений западной живописи. Большинство их было выполнено в 90-х годах XVI века и самом начале XVII — после возвращения из Европы молодых послов-христиан, которые привезли с собой из Рима и Мадрида картины, карты, гравюры и книги с иллюстрациями.

Выбор оригиналов для копирования, естественно, направлялся рукой иезуитов. При этом художественные качества отнюдь не выступали главным критерием, поскольку в основе выбора лежала практическая цель — создать для церквей как можно больше необходимых религиозных изображений, а для светских нужд — картины, рисующие мощь и величие католической Европы, торжество христианской веры. Помимо изображений Христа, Мадонны и святых из мастерской Никколо вышли идеализированные «Картины

нравов и обычаев Запада», изображения европейских городов, знатных рыцарей на конях и ряд других. Количество их, видимо, было довольно значительно, если учесть, что еще до открытия студии в Нагасаки в одной из провинциальных школ было 75 учащихся в 1588 году, а в 1596—уже 112, часть из них занималась живописью, некоторых обучали печатанью книг^{4В}.

Быстрые успехи японцев в европейской живописи маслом и темперой вызывали удивление даже самих учителей. Возможно, это объяснялось тем, что навыки владения кистью присущи были всем грамотным, поскольку кистью же пользовались и при письме, а красота иероглифа, его пропорции, градации оттенков туши в разных его частях были неотъемлемой частью искусства каллиграфии. В одном из донесений иезуитов от 1593 года говорилось: «Для церкви весьма полезно, что многие учащиеся в школе Хатирао пишут картины и гравюруют металлические доски. Восемь из них пишут японскими красками, восемь других — маслом, и пятеро гравюруют на меди. Они все без исключения делают большие успехи и очень нас удивляют. Действительно, среди учащихся есть такие, кто сделал копии лучших работ, привезенных японскими князьями из Рима, и эти копии настолько совершенны как в отношении цвета, так и светотени, что не уступают оригиналам. Многие из отцов-иезуитов и братьев ордена, работающих с ними, не могут сказать, которая сделана учащимися, а которая привезена из Рима, и хотя можно подумать, что это преувеличение, есть даже некоторые, кто

Картина-ширма с изображением
европейских рыцарей
Конец XVI в.
Япония
Муниципальный музей
Кобэ

утверждает, что работы, выполненные японцами, и были привезены из Рима <...>⁴⁷.

Из этого письма ясно, что главной задачей, которую ставили перед учениками школы, была точность воспроизведения оригинала, отсутствие каких-либо «японских* признаков в манере, композиции, деталях. Видимо, это особенно строго соблюдалось в религиозных изображениях. Во время преследования христиан почти все картины на религиозные сюжеты были уничтожены. Случайно сохранились лишь отдельные экземпляры, главным образом вывезенные за границу⁴⁸.

Менее опасно было хранение картин со светскими сюжетами, хоть и выполненных в западной манере. В музее города Кобэ, целиком посвященном произведениям искусства, так или иначе связанным с пребыванием европейцев в Японии XVI—XVII веков, а также в японских частных собраниях имеется целый ряд таких произведений. По типологии сюжетов они делятся на три основные группы: изображения западных городов; изображения вооруженных всадников; изображения нравов и обычаев западных стран. Важно отметить, что все они написаны на ширмах, что придавало им форму чисто национального «предмета обихода». Это было необходимо, так как в противном случае они не смогли бы получить какого-либо применения в Японии, где не только дома простых людей, но и резиденции самой высшей аристократии были выстроены

мы на основе единой конструктивной системы (стоечно-балочный каркас и раздвижные легкие стены-панели). Для картины в раме, то есть формы живописного произведения, принятой в европейских странах, в японском доме просто не было места.

Иезуиты вовсе не собирались прокламировать в Японии европейское искусство, в том числе живопись. Как и религиозные изображения, картины с видами городов или людей в европейских костюмах были им нужны для целей чисто практических — назидательных и познавательных. Например, им очень хотелось, чтобы японцы увидели, как выглядит «Вечный город» — Рим, столица христианского мира. На картине «Четыре великих города Запада» кроме Рима изображены еще Лиссабон, Мадрид и Константинополь. Все они переданы в обобщенно-условной манере и напоминают детали пейзажного фона больших композиций эпохи Возрождения. Возможно, что они были скопированы с книжных иллюстраций⁴⁹. Каждое из четырех изображений занимает две створки и написано как самостоятельное, с собственной точки зрения, не совпадающей с другими (что подтверждает наличие четырех разных оригиналов). Сверху, занимая приблизительно одну треть высоты ширмы, помещены по две или три крупные фигуры в соответствующих костюмах и фигура всадника (тут как бы соединены все три основных типа изображений, выполнявшихся в Японии в западной манере). Картины с вооруженными всадниками, видимо, писались из-за повышенного интереса японцев, уже более столетия находившихся в состоянии гражданской войны, к вопросам, касающимся вооружения, доспехов, ведения боя. Для иезуитов такой сюжет был поводом подчеркнуть величие, мощь и силу христианских рыцарей, воюющих за церковь против неверных⁵⁰. Крупные однофигурные изображения вооруженных всадников были самостоятельным сюжетом на многих сохранившихся ширмах, но есть сведения и о существовании больших батальных композиций, таких, например, как «Сражение при Лепанто».

Наконец, третий тип ширм в западной манере должен был продемонстрировать японцам разнообразие народов, населяющих Европу и другие

континенты⁵¹, некоторые отличия их занятий, обычаев, костюмов. Эти картины особенно интересны, так как характеризуют определенность запросов японцев, на которые они были ориентированы. Иезуиты, довольно точно к тому времени разбиравшиеся в особенностях национальной культуры, ее направленности и потенциальных возможностях, не случайно выбрали для копиро-

Керамический канделябр в виде фигуры португальца
Конец XVI в.
Япония
Частная коллекция
Токио

вании именно такие оригиналы. Для японцев XVI века не представляли интереса черты какого-то реального человека, определенной неповторимой личности. Более того, для них, в сущности, были неважны различия стран и народов, о которых они ничего не знали. Европа и ее культура в глазах японцев выступала как нечто однородное, с универсальными особенностями и чертами, суть которых состояла в их отличии от японских. Эти признаки европейской культуры «вообще», возможно, прокламировались иезуитами, стремившимися внедрить в сознание японцев прежде всего мысль о величии католической церкви (реальная мощь которой уже сильно была подорвана реформацией), о богатстве и силе папы и главных католических монархов Европы, в первую очередь испанского короля Филиппа II (известно, что как раз после 1588 года, когда погибла Великая Армада, истинная сила испанской короны пошла на убыль).

Как и изображение всадников, картины «европейских нравов» сходны по композиции, представляя собой вереницу крупных фигур на переднем плане и уходящий вдаль холмистый пейзаж за ними. Наиболее тщательно зафиксированы различия в костюмах персонажей, лица же почти в точности повторяют друг друга. Усвоив основы светотеневой моделировки объемов, японский художник пренебрегает линейной перспективой, допуская полное несоответствие в величине фигур первого и дальнего планов.

Почти не сохранилось имен обучавшихся в мастерской Никколо художников, за исключением одного-двух, среди них Нобуката, которому приписываются некоторые сохранившиеся картины («Старик с книгой», «Священник с двумя детьми», «Девушка с лютой»; последняя имеет печать, по-видимому, принадлежавшую Нобуката⁵²). Все это тоже копии, но в них есть некоторые детали, позволяющие говорить о работе именно японского художника. Нобуката принадлежала первая попытка соединения традиционно японских и европейских приемов в портрете буддийского священника Никкё.

Сюжетом, исполнявшимся двойко как в европейской, так и в японской живописной технике, стали географические карты, копировавшиеся с

гравированных оригиналов, но писавшиеся местными художниками на ширмах маслом или японскими водяными красками с добавлением золота (так называемая техника кимпэки). Одна из сохранившихся карт исполнена на веере и изображает Японские острова, Корейский полуостров и часть Азиатского материка. Эта карта принадлежала Тоётоми Хидэёси и сделана была в начале 90-х годов, во время военного похода в Корею и планов экспансии в Китай, то есть имела для военного диктатора Японии самое актуальное практическое назначение.

На ширмах главным образом воспроизводились карты мира (они должны были, по мнению иезуитов, дать японцам представление об истинной величине земли, ее материках и океанах, об огромных расстояниях, преодолеваемых португальскими кораблями, а следовательно, о мощи и силе европейских стран и католической церкви), и карта Японии, очертания которой были скорректированы уже на месте⁵³.

По обычаю, чаще всего исполнялись парные ширмы, одна — с картой мира, другая — с картой Японии, или же карта мира была парной к картинам «Четыре великих города Запада», «Сражение при Лепанто» и другим. Хотя ширмы с картами имели практическое назначение, они были при этом и произведением искусства. Со свойственным японскому художнику XVI века умением любой мотив преобразовать по законам декоративной организации плоскости, он расписывал ширму яркими, сочными красками (не надо забывать, что реально она бытовала в виде «гармошки», то есть под углом друг к другу сопряженных плоскостей, и была нарядным предметом в интерьере дома).

Когда ширма исполнялась в японской технике кимпэки, то чаще всего парной к ней было изображение португальского корабля, прибывшего в японский порт. Карта как бы намекала на долгий путь, пройденный кораблем, на преодоленные им огромные пространства океанов и морей. Изображение прибывшего португальского корабля и изображение процессии португальских моряков и купцов на улице японского города — два самых распространенных сюжета в японской жанровой живописи, связанной с «южными вар-

варами» и потому называемой живописью намбан. В некоторых других жанровых композициях конца XVI и начала XVII века встречаются отдельные изображения европейцев, а иногда и японцев в европейском костюме (на одной из ширм в европейском платье изображен даже сам Тоётоми Хидэёси)⁵⁴.

Следуя законам повествовательного жанра, японский художник рассказывает как можно подробнее о португальцах — людях высокого роста, в широкополых шляпах, коротких расшитых камзолах и широких штанах, о сопровождавших их слугах-неграх, об иезуитах в длинных черных сутанах, о привозимых в дар японским правителям диких животных. Повествовательный жанр не случайно получил большое распространение в живописи конца XVI — начала XVII века. Это было связано с особенностями исторического этапа, переживавшегося Японией, когда на арену общественной жизни впервые вышли представители горожан, условно говоря, «третьего сословия», а из средневековых традиций рождалась новая городская культура. В отличие от метафоричности, символики, иносказания, характерных для искусства предшествующих веков, тут преобладало непосредственное отражение событий жизни, главным образом праздничных, приносивших радость, служивших развлечением. Как необычайное яркое зрелище рисует японский художник и прибытие португальских кораблей, недаром на картинах с изображением иноземцев всегда можно видеть многолюдную толпу любопытных. Подобно тому как европейцы фиксировали в своих записках самые мельчайшие подробности японских обычаев, поведения в общественных местах и в быту, так японские художники стремились как можно подробнее и точнее воспроизвести все, что они видели: внешний облик европейцев, их дома, церкви, не известные в Японии обычаи (например, часто их изображали сидящими на стульях, что было невиданным и потому особенно интересным для японцев).

Если в живописи маслом и темперой «иноземные» качества осваивались как особенности самой манеры письма и стилистики, то в картинах, исполнявшихся в японской технике, это «инозем-

ное» присутствовало в качестве сюжета, одного из многих других в жанровой живописи. И сюжет этот воплощался по законам традиционной изобразительной системы с ее особым языком, типом условности, приемами выразительности. Один из признаков этой системы — отсутствие единого повествования при множестве отдельных сцен, лишь скрепленных условным единством сюжета (например, изображения кварталов развлечений в Киото, изображение праздника в храме Гион и т. п.). Все сцены обычно разделены плоскостным узором стилизованных облаков, являющимся одновременно и объединяющим фактором в композиции картины. Золотые стилизованные облака создавали второй масштаб, соотношенный с реальным размером ширмы, в то время как мелкофигурные, написанные яркими красками, жанровые сцены получали декоративный смысл все вместе, как нечто однородное и потому равновеликое стилизованному облаку, составляя вместе с ними два основных компонента декоративного целого.

Картины-ширмы пользовались большой популярностью и широким спросом по всей Японии, а мода на вещи «намбан» заставляла неизвестных городских художников во множестве повторять сцены прибытия португальских кораблей и шестий капитана со свитой по улицам города⁵⁵.

Большое распространение получили также различные изделия декоративно-прикладного искусства с изображением европейцев и христианской символикой. Вообще последние десятилетия XVI века и самое начало XVII стали периодом необычайно широкого увлечения всем европейским в Японии, начиная от кораблей и мушкетов, навигационных приборов и технологических приемов в металлургии и горной промышленности⁵⁶ и кончая курением табака, игрой в карты и употреблением иностранных слов⁵⁷. Когда в 1603 году в Киото впервые начала выступать танцовщица Окуни, с именем которой связывают основание знаменитого театра Кабуки, то одним из средств привлечения публики стал ее экзотический наряд, включавший элементы европейской одежды и даже четки с крестом.

Чтобы самим увидеть иностранцев, японские художники ездили в Нагасаки, самый главный

порт по торговле с португальцами, где в ожидании попутных ветров по шесть-восемь месяцев стояли корабли и устраивалась на жительство их команда.

Итак, в отличие от европейцев, описывавших собственные непосредственные наблюдения жизни в Японии, ее природу и ее культуру, сведения японцев о Европе были гораздо более скудными. Кроме сравнительно немногочисленных и однотипных впечатлений от кораблей, их команды, от иезуитов-проповедников, они составлялись из разрозненных и субъективных рассказов моряков, купцов и особенно миссионеров. Последние были более образованными людьми, но имели в отношении японцев собственные корыстные цели, поэтому их информация была, конечно, тенденциозной. Однако иезуиты были заинтересованы

в расширении определенного круга знаний японцев о Европе. Они считали, что необходимы люди, которые могли бы поделиться с соотечественниками собственными впечатлениями, а для этого нужно было направить в Европу специально подготовленных людей. Так была организована особая миссия в Европу японских юношей, принявших христианство. Эта первая миссия, имевшая целью, как полагали ее устроители, дать возможность японцам воочию убедиться в мощи и величии католической церкви, великолепии европейских городов и т. п., сыграла и еще одну роль — в увеличении интереса к Японии и ее культуре в Европе. Интерес этот, как уже отмечалось, был подготовлен многочисленными публикациями «Японских писем» иезуитов, записок и воспоминаний купцов и моряков.

Мысль послать в Европу японцев-христиан возникла еще у Ф. Ксавье. И действительно, один из его учеников, принявший имя Бернард, был привезен иезуитами в Португалию в 1553 году⁵⁸. Известно, что он побывал в Италии, но поскольку от него не осталось никаких записок, а сам его приезд оказался лишь внутренним событием истории Ордена иезуитов, то фактически японская миссия, находившаяся в Европе в 1584—1586 годах, воспринималась и осознавалась как самая первая.

Конкретный план путешествия со всеми его подробностями (вплоть до привычного рациона питания, включающего обязательно рис) был разработан А. Валиньяно, что видно из его специальной инструкции, переданной им сопровождавшим миссию Нуньо Родригесу и переводчику Днего де Мескита⁵⁹.

В качестве первых посланцев в Европу иезуиты выбрали четверых юношей из знатных, принявших христианство, семей. Все они были из южных провинций о. Кюсю. Мансио Ито, считавшийся главой миссии, Мигель Тидзава Сэймон, Мартин Хара и Жулиан Накаура уже несколько лет учились в католической семинарии. Самому старшему из них было шестнадцать лет, а младшему всего четырнадцать. Понятно, что они полностью находились под влиянием своих наставников и видели, в сущности, то, что хотели последние. В их дневниках путешествия по Европе,

Титульный лист учебника японского языка Жоаио Родригесу Японии. 1604

которые по их возвращении были по приказу А. Валиньяно переведены на латинский язык и изданы в Макао в 1590 году⁶⁰, содержится много самых разнообразных сведений о европейских странах и отдельных городах, о католической церкви, о римском папе и короле Филиппе II, описываются многие обычаи, принципы образования и т. п. Но, к сожалению для нас, все это лишь косвенно связано с непосредственными впечатлениями молодых японцев. Хотя переводчик книги падре Эдуардо де Санде и пишет в предисловии, что японские юноши, по обычаю их страны, никогда не выказывают удивления по поводу увиденного, но зато фиксируют с абсолютной точностью все события, на самом деле их дневники были полностью переработаны А. Валиньяно и превращены в воображаемые диалоги вернувшихся с их соотечественниками, как бы задающими им вопросы. И сами вопросы, и ответы на них были изложением идей самого Валиньяно, уже известных по его запискам.

Путешествие на парусных кораблях с Дальнего Востока в Европу было в конце XVI века длительным, а порой и опасным. Четверо юношей с сопровождающими и слугами отплыли из Нагасаки 20 февраля 1582 года, а прибыли в Лиссабон только 10 августа 1584 года, будучи вынуждаемы по разным причинам к остановкам большей или меньшей продолжительности в Макао, Малакке, Гоа, Кошине. Пробыв в Европе около двух лет, они отплыли из устья Тежу 13 апреля 1586 года и вернулись в Нагасаки после длительной остановки в Макао лишь 21 июля 1590 года. Все их путешествие заняло восемь лет и пять месяцев. Их большие и малые приключения могли бы стать предметом особого рассказа⁶¹. Здесь же стоит остановиться лишь на том, как они были встречены в Европе, как воспринимали их визит жители португальских, испанских и итальянских городов, тем более что сохранились документы, где все это было засвидетельствовано.

В интересах иезуитов, желавших подчеркнуть свои успехи и заслуги в распространении христианства на Востоке, было представить четверых японцев представителями самой высшей знати (в соответствии с европейскими представления-

Спящий с детьми
 Деталь росписи картины-ширмы
 Конец XVI в.
 Япония
 Муниципальный музей
 Кобэ

ми — принцами), что открыло бы им путь ко дворам европейских монархов, высшей церковной аристократии и самого римского папы. Уже в первые дни их путешествия по Европе, начавшегося в португальской столице, они были приняты кардиналом Альбертом, правившим страной от имени Филиппа II; в Эворе архиепископ Браганскин служил торжественную мессу и затем устроил в их честь домашний прием: одна из самых

знатных особ королевства донна Катарина, герцогиня Браганская пожелала принять их у себя в Вила Внсоза. В главе «Трактата» Луиса Фруа, посвященной описанию поездки японцев по Португалии, весьма красочно рассказывается об этом эпизоде: «(...) Герцог и ее сиятельство ожидали их в монастыре св. Августина, где играла музыка и служили торжественную мессу. Герцог со своими братьями вышел из ворот церкви им навстречу. Тут состоялся обмен приветствиями, и приветствия переводились; господа японцы всегда так делали, когда встречались с важными, высокопоставленными лицами, после этого они обычно говорили несколько слов по-португальски; высокопоставленные же лица обычно любили послушать японскую речь и восхищались прелестью красивого и изящного выговора. Был даже случай, когда господа японцы посетили одну благородную даму в Кастелле и отцы-иезуиты просили их поговорить по-испански; дама же сказала: «Надоел мне испанский, хочу слышать только их речь!..»

После мессы герцог отъехал вместе со свсцами братьями верхом, а господа японцы сели в карету донна Катарина, и когда они подъезжали ко дворцу, герцог их уже ожидал на ступенях со своими людьми; все направилось к донне Катарине, которая их встретила с любовью и радостью и задала много вопросов. Отведенные им покои были богато обставлены дорогими предметами и украшены златоткаными коврами и шелками. (...) Герцог с братьями участвовал во всех трапезах господ японцев с отцами-иезуитами. При этом их усаживали в кресла с высокими спинками; на самом лучшем месте всегда сидел дон Мансио, даже в ущерб положению герцога, который на этом настаивал. Редкость и разнообразие блюд были таковы, будто были призваны больше восхитить, чем напитать; не было ни тарелки, ни сосуда, которые не были бы серебряными; из такой же посуды угощали и японцев, прислуживавших своим господам. В трапезах участвовали идалго и знатные люди»⁶².

В Толедо их принимал архиепископ Гаспар Кирога. Здесь же интересным событием стало посещение знаменитого мастера, изготовлявшего часы: «В этом городе живет человек, теперь уже

старик, с особенным талантом: еще во времена императора Карла V он начал делать своеобразные чудные часы, других таких нет в мире. Сделаны они из серебра и точно показывают перемещения небес и движение солнца и луны, и планет, и звезд, и затмения, и годы, и месяцы, и часы, и именины и пересчитывают солнечные месяцы в лунные (...) Господа японцы спросили этого мастера, сколько времени он потратил на изготовление часов. И ответил, что двадцать лет на изобретение механизма, а за два года сделал часы. Такую редкую и замечательную вещь отцы-иезуиты и господа японцы видели впервые

Японцам показывали не только храмы и дворцы, но и университеты, однажды они даже присутствовали на публичной защите докторской диссертации⁶⁴. Но самым главным событием путешествия по Португалии и Испании должно было стать посещение короля Филиппа II. У Л. Фруа, пользовавшегося по всей вероятности рассказами и записками очевидцев, есть не только подробное, но и очень живое описание всей сцены: «В четверг 14 ноября Его Величество послал в Дом наш через донна Кристовао де Мора весть, что господа японцы могут его посетить, и при этом предупредил, чтобы сопровождающих было немного: королю легче будет разглядеть прибывших, наблюдая из верхних покоев дворца. Отцы-иезуиты, сопровождавшие господ японцев по повелению Магистрата, прибыли к королю первыми и дали немногословное разъяснение о том, что господа японцы явились с выражением повиновения Верховному Жрецу Римскому и с тем, чтобы познакомиться с христианской Европой и католическими монархами и прежде всего с Его Величеством, первым и самым замечательным среди них. Король выслушал это чрезвычайно внимательно, с радостью и удовлетворением (...).

Предварительно Его Величеством было послано за господами японцами две кареты, в которых они и прибыли с телохранителями. Одеты они были по-японски. Несмотря на приказ Его Величества, подле них оказалось множество людей, пеших и конных, рядом с каретами и позади. Выехали из Дома в три часа; и поскольку Его Ве-

личество имеет привычку видеть все, что кругом происходит, и кто входит во дворец, и кто оттуда выходит, особенно если это знатные люди, то он наблюдает таким образом, что его не видно. И вот теперь он говорит отцам-незюитам: «Уже подъехали, уже спешиваются»,— и удалился в другие покои. Народу собралось так много, что дону Себастиану де Санайо, начальнику дворцовой службы, пришлось отдать приказ страже освободить проход для господ японцев, потому что их затолкали. Затем господа японцы проследовали по всем залам, через двенадцать покоев, один из которых был королевской опочивальней, и вошли в очень красивый зал, где обычно принимают очень узкий круг лиц. При короле находился принц и дочери-инфанты, все они стояли. Его Величество был одет в черное, при плаще и шпаге; на шее у него была золотая цепь с орденом. Он стоял, облокотившись на шкаф. В такой позе он принимает только послов и папских легатов <...> После всех церемоний король ласково говорил с господами японцами, расспросил их о здоровье, особо заинтересовался одеждой и даже потрогал ее руками. Спросил, говорят ли они по-испански, на что отец-иезуит отвечивал, что они выучились латыни, а он с ними говорит на их языке. Его Величество расспросил также господ японцев об их путешествии, об Японии и т. д. Затем господа японцы преподнесли подарки (...) Говорили придворные, что не видели до сих пор приема более благожелательного и таких милостей и почестей, которые были оказаны господам японцам Их Величествами <...>»⁶⁵.

Милости Филиппа II сопровождали японскую миссию и за пределами Испании, поскольку он приказал предоставить им для переезда в Италию один из своих кораблей, а своему послу в Риме направил специальное письмо⁶⁶.

Италия встретила японских посланников еще более пышными празднествами и приемами⁶⁷, среди которых кроме официальных были посещения театральные представления и фейерверки, охота в Тоскане и ночная рыбная ловля в Венеции, музицирование на открытом воздухе и военный парад в Мантуе. Они осматривали римский амфитеатр в Вероне, а в Падуе — университет и

знаменитый ботанический сад. Сохранилось немало писем и дневников очевидцев, где подробно и красочно описываются все события вокруг визита японцев, их внешний вид и впечатления от встреч и бесед с ними. Алессандро Беначчи отмечает не только их приятную внешность, скромность и хорошие манеры, но и умение играть на европейских музыкальных инструментах — гитаре и лире, даже умение танцевать и играть в мяч, то есть, несмотря на подчеркнутую их набожность и скромность, он отмечает, что они могут находиться в светском обществе⁶⁸. Правда, в Сиене один из очевидцев писал с большим удивлением, что японцы «никогда не пьют вина, а только воду»⁶⁹. Особенно интересная информация содержится в «Дневнике» миланского патриция Урбано Монте, найденном в библиотеке Амброзиана и опубликованном в 1938 году⁷⁰. Помимо описаний, относящихся непосредственно к посольству, автор приводит известные ему сведения о Японии, а его увлечение географией и изготовлением карт проявилось в том, что он в миланской типографии Пиккалья напечатал карту Японии, основываясь, как он сам указывает, на сведениях, полученных от сопровождавших японских послов иезуитов. Непосредственно в тексте дневника Урбано Монте имеются портреты гостей его собственного исполнения. Они сделаны пером и раскрашены, а также сопровождаются сочиненными им же восьмистишиями. Возможно, что именно с этих рисунков впоследствии были сделаны гравированные портреты, напечатанные в Аугсбурге в 1586 году⁷¹.

Поскольку Рим и встреча с папой были центральным событием всего путешествия японцев по Европе, то все хроникеры уделяли этому самое большое внимание. Описания многочисленных встреч и приемов в Риме занимательны, помимо своей фактологической стороны, еще и как свидетельство настроенности европейского наблюдателя, особенностей его восприятия и стиля описания. Так, например, уже на следующий день после прибытия японцев был назначен их официальный прием папой и высшим духовенством в Публичной консистории Ватикана. На всем пути их следования толпы любопытных заполняли улицы, звонили колокола, а пушки зам-

Гравюра с изображением Рима
Конец XVI в.
Италия

ка Святого Ангела дали торжественный салют. Кортёж, направлявшийся в Ватикан, был в высшей степени торжественным; читая описание в «Дневнике» Урбано Монте, кажется, видишь, как все это происходило: шествие «открывала вся папская кавалерия со швейцарской гвардией, затем следовали кардиналы на мулах, покрытых лиловой тканью, затем ехали послы и среди них выделялся посол Испании, затем шли музыканты с барабанами и трубами, папские камерьеры, официальные лица двора, клир палаты Его Святейшества и, наконец, принцы на конях с попонами из черного бархата с золотыми кистями, архиепископы и епископы; шествие замыкала кавалькада римской знати...»⁷².

В торжественной речи, открывавшей церемо-

нию, это событие прямо сравнивалось с приемом индийских послов римским императором Августом⁷³.

Папа Григорий XIII всячески подчеркивал особое благорасположение к японским юношам, допущенным не только к официальному целованию ступни, но и удостоенных интимного приема и беседы. В честь их визита в Европу папа приказал выбить специальную медаль с соответствующей надписью⁷⁴. Он щедро одарил их, среди прочего они получили по три комплекта европейского платья. В свою очередь японские посланники преподнесли папе парные расписные ширмы с изображением замка Адзутн, принадлежавшего Ода Нобунага.

После внезапной смерти Григория XIII папой был избран Сикст V, также проявлявший внимание к японцам. В его присутствии в Большом зале Капитолия Сенат провозгласил их римски-

ми патрициями⁷⁵, а за несколько дней до этого их сделали рыцарями Золотой Шпоры. На фреске в Ватиканской библиотеке в Риме, изображающей торжественное шествие по случаю pontификации Сикста V, изображены и японские юноши.

В соответствии с инструкцией Валиньяно они должны были посетить все сколько-нибудь примечательные города Италии, в том числе Вене-

цию и Геную. Получив сведения о торжественности встречи японцев во всех других местах, венецианская Сеньория распорядилась о максимальной пышности приема, возможно, имея в виду установление прямых торговых связей с Японией помимо португальцев. Здесь тоже не обошлось без театрализованных многолюдных церемоний, приема у дожа, обмена дарами и т. и. Одному из самых знаменитых живописцев Венеции Якопо Тинторетто было поручено исполнить в натуральную величину портреты четырех японских юношей, для того чтобы поместить их в Зале Большого совета, где развешаны портре-

Гравюра с изображением приема японских послов папой Григорием XIII 1596 Италия

ты дождей. Это был знак высочайших почестей, когда-либо оказывавшихся иностранным гостям города. Предполагалось также сделать под портретами надписи по-японски и по-итальянски с рассказом об их жизни и целях приезда в Венецию⁷⁶. Несмотря на то что Сеньория ассигновала на это две тысячи крузадо, художник выполнил всего лишь один портрет (Мансио Ито)

Торжества сопровождали путешественников и дальше — в Падуе, Виченце, Вероне, Милане, Мантуе, Генуе, откуда они возвратились в Испанию и, пробыв на Пиренейском полуострове некоторое время, в апреле 1586 года начали свой обратный путь домой, в Японию⁷⁸.

В общей сложности японские послы посетили в Европе около семидесяти больших и малых городов в трех странах, были приняты двумя папами, наместником Португалии и королем Испании, дожами Венеции и Генуи, а также самыми знатными и влиятельными людьми, всюду, где они проезжали. Весть об их визите достигла почти всех стран Европы, а воспоминания, дневники и записки современников получили широкое распространение в рукописях, а чуть позднее — в многочисленных публикациях (более пятидесяти)⁷⁹.

Безусловно, во всей этой пышной зрелищности был значительный элемент сенсации, специально подготовленной иезуитами, которые вполне достигли своих целей (включая и то, что японцы ничего не узнали о протестантских странах Северной Европы). Эгим определились и все те почести, которые были оказаны весьма скромным японским юношам. Но объективно большой общественный резонанс, который был вызван их приездом, способствовал значительной активизации уже имевшихся о Японки знаний и их расширению и увеличению. Для европейцев конца XVI века, скорее всего, важно было не столько то, что они вочию увидели четверых молодых людей, почти детей, с отличными от их собственных чертами лица и покроем костюма, вежливых, скромных и набожных, сколько то, что через них стала ощущаться как реальность и сама их далекая страна, как бы получали подтверждение многочисленные письменные свидетельства, а не-

обычное, невероятное и невозможное получало признаки реального факта. Косвенное отражение этого можно найти даже в том, как начиналась молитва, прочитанная на официальном приеме в Королевском зале в Ватикане: «Отдалила природа Японские острова от наших мест такими громадными промежутками моря и земли, что в древние времена они были не более, как глухим упоминанием, и лишь некоторые слышали это название; все же остальное было в полной неизвестности, да и ныне некоторых трудно убедить в том, что такие острова вообще существуют. Однако, Святейший Отец, острова не только есть, но их много, они велики и многолюдны и замечательны природными способностями и талантами их обитателей и знанием военного искусства; так что уж кто увидит эти острова, предпочтет их другим восточным народам»⁸⁰.

Не менее любопытно, как непосредственное восприятие японского посольства отразилось *в записках современников, например, уже упоминавшегося Урбано Монте. В своем «Дневнике», пользуясь, видимо, рукописями и изданиями предшествующих лет, он приводит целый небольшой рассказ о Японии и ее обитателях, сообщает о ее географическом положении и климате, природных богатствах, нравах и обычаях людей. Но когда он приступает к конкретным событиям, в особенности к тому, чему он был свидетелем, то сам характер его описания существенно меняется, его интересуют мельчайшие подробности и детали: «Роста они скорее маленького, чем среднего, цвет кожи у них оливковый, маленькие глаза, большие веки, нос удлинён; вида онн непосредственного и благородного и ничего в них нет варварского»⁸¹. Стремясь еще более подчеркнуть достоверность своих описаний, Монте даже приводит копии трех писем японских послов папе и, как уже отмечалось, помещает в «Дневнике» их портреты.

Немногие сохранившиеся картины, фрески, гравюры, относящиеся к пребыванию японских юношей в Европе, подтверждают типичность точки зрения Урбано Монте. Среди известных в настоящее время изображений — гравированные портреты четырех послов и их переводчика падре Мескита, напечатанные в бж Аугсбурге в 1586 году.

Кортеж по случаю pontификации папы Сикста V
Конец XVI в.
Фреска в зале Сикста V Ватикан

Японцы изображены на них в одинаковых европейских костюмах, с лицами, похожими друг на друга, но все-таки индивидуализированными. На титульном листе «Записок о миссии христианских принцев» Алессандро Беначчи, изданных в Болонье в 1585 году, изображен один из японских юношей (возможно, Мансио Ито) в платье, подаренном папой Григорием XIII. В европейских костюмах изображены все члены миссии на фреске в Театро Олимпико в Виченце, только что законченном Палладио (в 1583 году).

Таким образом, для европейского зрителя конца XVI века важнее всего было изображение лиц, облика людей, что связано было с характерным для эпохи Возрождения стремлением к познанию личности, утверждению ее значительности.

Живописцы в Японии, как и европейские художники, проявляли живой интерес к событиям

современности, в том числе появлению иноземцев необычного вида, в странных костюмах и т. д. Но для них важно было иное. Ширмы с изображением европейцев — это рассказ, повествование прежде всего, а действующие лица — «варвары» — выделяются высоким ростом, необычными костюмами, то есть неазиатской внешностью, контрастирующей в силу этого с обычным («правильным») обликом людей. При этом, как уже говорилось, все изображение оформляется по законам декоративной росписи. По сравнению с картинами европейских авторов здесь не только другая манера живописи и другой подход к интерпретации сюжета, но иная точка зрения на мир и на человека.

Однако если сопоставить европейские материалы XVI века, относящиеся к Японии, и японские, относящиеся к Европе (включив сюда и письменные свидетельства, и произведения изобразительного искусства), то при всем различии подхода и точек зрения в них можно обнаружить и целый ряд общих свойств. Так, например, и той и другой стороне бросается в глаза в первую очередь

Картина-ширма с изображением
португальского корабля
Деталь
Конец XVI века
Музей Янга
СНДЛ

Картина-ширма
«Обычай и нравы европейцев»
Деталь
Конец XVI века
Муниципальный музей
Кобэ

Картина-ширма
с изображением
европейских городов
Деталь
Конец XVI века
Муниципальный музей
Кобэ

Картина-ширма
с изображением
приезда португальцев
Деталь Конец XVI века
Музей Сантори
Токио

все отличающееся от "собственного, все «непохожее» (внешность, костюм, манеры). На первом этапе два народа как бы смотрятся в зеркало друг друга и все чужое предстает как «не свое» и потому как «неправильное» — по сравнению с собственной культурой, понимаемой как норма и правило. При этом гордыня европоцентризма (рождавшегося из христианского универсализма средних веков) сталкивается впервые с «Азия-центризмом» как устойчивой идеей, особенно характерной для китайской традиции, но отчасти и для японской⁸².

Представление о европейской культуре, как единственно олицетворяющей «истинное», оборачивалось идеей превосходства над всеми прочими культурами и народами, подлежащими «освоению» не только территориальному (то есть колонизации), но и духовному. Последнее вылилось в широкую миссионерскую деятельность на Востоке. Однако во вновь открытых европейцами землях, в том числе в Японии, они сами почитались «варварами» уже в силу своего происхождения, а следовательно, несходства представлений о мире, несходства образа мысли. Так, и Западом, и Востоком «чужое» осознавалось как более низкое, а подобная позиция, естественно, умаляла стремление освоить, научиться, пережить, особенно если речь шла не о практически-материальных вещах, а о духовной жизни, о круге основополагающих идей.

Европа в XVI веке фактически ничему не научилась у Японии, ничего японского не освоила (за исключением, может быть, ширмы как предмета домашнего обихода). Япония взяла больше, но тоже на уровне материальном, уровне «цивилизации», а не «культуры», начав с огнестрельного оружия. Духовный смысл европейской культуры остался для нее закрыт.

Но этот первый диалог «Запад — Восток» был исторически важен в другом смысле. Для Европы рубежа XVI и XVII веков, для дальнейшего развития ее научного и художественного мышления была крайне важной сама идея «великих пространств» земли, многочисленности населяющих ее народов, множественности путей человеческой истории и одновременно ее единства. Европа той эпохи «грезит о космогониях»⁸³, она

выходит за рамки не только национальных, но и региональных размышлений. Она вступает в эру Нового времени. И знакомство с Японией, которая была не единственной, а одной из многих других стран, «открытых» Европой в ту эпоху, было этапом ее собственной исторической эволюции.

^a Япония же — страна еще средневековая по типу культуры и ориентированная на собственные этнически замкнутые проблемы. Несмотря на период активных контактов с внешним миром как раз в конце XVI и начале XVII века, внациональные идеалы были ей принципиально чужды. Японская культура была сосредоточена на вопросах наиболее полного национального самовыражения. Недаром именно в тот период складываются многие виды и жанры художественного творчества, не имевшие аналогий в других странах мира, такие как декоративные настенные росписи, театр Кабуки, цветная гравюра на дереве.

Условно говоря, Европа уже «смотрела вдаль», а Япония еще была сосредоточена на себе. Европа одновременно с бескрайними пространствами мира открывала и пространства человеческой души, ее трагические конфликты, осознававшиеся литературой и искусством в масштабах всечеловеческих. Япония оставалась в кругу средневековых поисков пути к соприкосновению человеческого духа с Абсолютом и представлений о ценности иллюзии, противопоставленной несовершенству реальной жизни. Правда, и в ней наблюдались новые веяния, связанные с выходом на арену общественной и культурной жизни «третьего сословия», постепенным поворотом искусства к действительности, к миру земному со всеми его радостями и печалью.

Нельзя сказать, что Япония оказалась полностью глуха к тем знаниям, которые принесли европейцы. Но ни идея шарообразности земли, подтвержденная кругосветными плаваниями, ни представления об огромных пространствах океанов и морей, разных континентах, населенных непохожими друг на друга людьми (а ведь все это миссионеры специально доводили до сознания японцев хотя бы с помощью карт и картин, во множестве перерисованных на ширмы), то есть

Портрет Ода Ноунага
Конец XVI в.
Япония
Музей замка
Осака

знания и идеи, ставшие основополагающими для европейской науки и миропредставлений Нового времени,— никак не повлияли на мировоззрение японцев. Более того, усвоенные ими практические знания в области кораблестроения и изготовления огнестрельного оружия, металлургии и горнодобывающей промышленности остались разрозненной суммой знаний, не преобразовавшись в единую систему, как это случилось в странах Европы.

Невозможность появления научной системы знаний и развития науки европейского типа в Японии была следствием представлений о мире как целостности, включающей в себя наряду с природой и человека, то есть не расчлененной на объект и субъект, а это подразумевало невозможность противостояния человека природе, отношения к ней как предмету научного наблюдения.

На пути своего исторического развития Япония отнюдь не сопротивлялась внешним воздействиям. Напротив, она почти постоянно испытывала приток новых идей с континента — из Китая и Кореи. Но это были всегда влияния внутрирегиональные, что способствовало их относительно быстрому усвоению. Сходство самых общих мировоззренческих концепций определяло значительную духовную близость культур народов Дальнего Востока. Но и в этих условиях новые идеи, появившиеся в Японии, в относительно короткий исторический срок существенно преобразились. Это относится и к буддизму, и ко многим художественным формам в архитектуре, изобразительных и декоративных искусствах.

Знакомство с Европой было первым для Японии выходом за сферу региональных представлений, даже географических (до этого ей были известны лишь Индия, Китай, Корея и острова Южных морей), первой встречей с иными концепциями, которые в силу своего полного отличия даже не воспринимались как таковые. Неспособность «западных варваров» к пониманию миропорядка и его законов (казавшихся единственно возможными) снимала интерес к их внутреннему миру, к их духовной жизни. Сами иезуиты отмечали, что даже принимавшие крещение японцы оставались на примитивном уровне веры

в церковные догматы, с трудом усваивая основы христианской этики и метафизики (при этом почти все европейцы особо подчеркивали высокие интеллектуальные возможности японцев, их способность к обучению, восприимчивость к знаниям).

Уже отмечалось, что миссионеры вполне осознавали беспрецедентность своего вмешательства в духовную жизнь Японии и абсолютную новизну для нее привносимых идей. Они надеялись на решительное воздействие этих идей не только на сферу религиозного сознания японцев, но и на их общие миропредставления. Однако, как показала история, этого не произошло. Несмотря на большое число новообращенных (более двухсот тысяч при населении страны около шестнадцати миллионов), быстрое распространение христианства объяснялось скорее терпимостью в вопросах веры среди японцев, чем религиозным рвением. Национальные идеалы, мировоззренческие принципы, этические нормы, формировавшиеся в течение веков, остались неизменными и никак не изменились под воздействием христианства и новых знаний, пришедших из Европы. И не только потому, что относительно недолгий «христианский век» в Японии окончился закрытием страны и полной изоляцией от внешнего мира на два с половиной столетия. Дело, видимо, было в отсутствии предрасположенности к новым идеям, в особой стабильности основ духовной жизни страны. Европейцы постоянно отмечали, что Япония во всем отличалась от Европы, что те, кто приезжает туда, «<...> оказываются здесь сущими детьми, которым надо заново учиться есть, сидеть, разговаривать, одеваться, быть вежливыми и т. д. Вот почему совершенно невозможно представить себе и решить проблемы Японии где-нибудь в Индии или в Европе; точно так же невозможно понять и представить себе, как все происходит здесь, потому что это иной мир, иная жизнь, иные обычаи и законы <...>»⁸⁴.

Это несходство во всем, начиная от общих представлений о мироустройстве и кончая манерой одеваться и сидеть, определялось, если воспользоваться обозначением, предложенным Г. Д. Гачевым⁸⁵, «национальной картиной мира», свойственной японскому народу. Особенности

«национальной картины мира» определялось и отношение к внешним воздействиям, к усвоению чужих идей.

Одним из главных компонентов японской картины мира был пантеизм, сохранившийся еще с древности и сплавленный с рядом буддийских представлений. Природа наделялась не только творческой энергией, но и особой духовностью, а человек был неотъемлемой частью природы, составляя с ней неразрывное единство. Уважение к природе, ее силе и могуществу сочеталось с поклонением ее красоте, вечно изменчивой и всегда постоянной. Признание того, что красота существует как атрибут самой природы, открывало человеку возможность отыскать, увидеть и осознать эту красоту, что определяло и весь эмоциональный строй человеческой жизни, и отношение к творческому акту. Не создавать вновь, а искать уже имеющееся — такая идея оказала решающее воздействие на художественное сознание, влияла на систему видов и жанров искусства. **на** отношение к традиции. Это сказалось даже в работе с материалом и его преобразованием **человеком**, воля **которого** как бы соразмерялась с «волей» **дерева, камня, глины**. Недаром японский художник **стремится выявить**, раскрыть собственные **возможности** материала: **дерева** — в архитектуре, глины — в керамике, камня, растений — в искусстве садов. Природа с ее гармонической сбалансированностью, живой связью каждого предмета с пространственной средой, с ее постоянной изменчивостью и быстротечностью мгновений воздействовала на законы художественного **творчества** и определяла критерии красоты.

Только в Японии могло получить столь развитые формы и глубинно-философский смысл искусство садов. Оно стало как бы откристаллизовавшейся формулой традиционного для этой страны отношения к природе и общения с ней. Смысл этой формулы — в гармонии взятого у природы и привнесенного человеком, сложный баланс искусства и неискусства. Нечто подобное было и в чайной церемонии, которая тоже есть своего рода высшее обобщение в сфере практической нравственности — в общении людей друг с другом, поведении в обществе. Это тоже высо-

кий синтез, возникший на границе художественного и внехудожественного, искусства и быта. Недаром и сады, и чайная церемония дожили до наших дней как воплощенная «память поколений», как своего рода экстракт культурной традиции, без которой нация утратила бы основы своего мироощущения, своей «картины мира».

Но ведь и идея сада как специально организованной природы, и идея ритуального чаепития были восприняты из Китая в своем самом первоначальном виде. В контексте японской культуры, с ее собственными историческими задачами, они получили совершенно иной смысл, иную форму и иную общественно-эстетическую функцию. Как писал об этой способности японской культуры Акутагава Рюноске, «<...> наша сила не в том, чтобы разрушать. Она в том, чтобы переделывать <...>»⁸⁶.

Превращая все «чужое» в «свое», Япония на рубеже XVI и XVII столетий даже то небольшое, что она узнала от европейцев, преобразовала в соответствии со своими собственными историческими потребностями. Например, огнестрельное оружие, привезенное португальцами, не только заставило изменить тактику ведения войны, но привело к необходимости строить более мощные, чем прежде, оборонительные сооружения. Так в Японии впервые появились укрепленные замки, возводившиеся на колоссальных каменных фундаментах, что было не свойственно архитектурной традиции, полностью ориентированной на строительство из дерева. Однако замки в ту эпоху были не только фортификациями. Они получили более высокий смысл, став выражением идеи власти и военной мощи правителя страны или провинции, а еще более — идеи торжества светского начала над религиозным, ибо замки поднялись выше буддийских пагод и уподоблялись горе, обожествлявшейся в синтоизме. Косвенно это означало торжество силы и мощи человека, что само по себе было ново для Японии, возвещало начало новой эпохи, с идеалами, уже значительно отличавшимися от средневековых; хотя и неразрывно связанными с ними.

Средневековые традиции, жившие в японской культуре того времени, получали форму подчас изощренную и совершенную. Но в масштабах

общечеловеческих, к которым подошла Европа той поры, мир японской культуры был очень узким и замкнутым; чуждый народам других стран и континентов, он не испытывал активной потребности в новом, поскольку сложившиеся художественные формы еще не исчерпали себя полностью, еще не стали тормозом исторического развития, как это случилось два века спустя.

Европе, вступающей в эру Нового времени с его крахом ренессансных идеалов, трагической концепцией человеческой личности и попыткой разрешить ее внутренние конфликты, были далеки идеи, которыми жила Япония. Европейская культура начала XVII века искала новых путей познания глубин духовной жизни личности в ее столкновениях с внешним миром, а также новых средств выражения в искусстве. Именно с этим было связано движение к постепенному осознанию природного окружения как эстетически ценного. Только к XVIII столетию Европа оказалась внутренне готовой к освоению художественного опыта Востока (Китая и Японии) в той его части, которая нашла выражение в искусстве пейзажных садов. Тут Европа открыла мир, где человек почитается лишь одним из его равноправных членов, а вовсе не «мерой всех вещей». Идея

собственной соразмерности и сопричастности человека миру, связанная с поиском внутренней гармонии через гармонию с природой, оказалась в ту эпоху наиболее важной и актуальной для европейской культуры. Садово-парковое искусство, еще в XVII веке получившее форму «обуздывания» природы и ее уподобления архитектуре в итальянском парковом ансамбле барокко и французских парках классицизма, вылилось столетие спустя в форму английского пейзажного парка, уже прямо ориентированного на восточные прообразы.

К XIX веку относится новое «открытие» Японии, послужившее важным источником идей для развития европейской живописи, а в начале нашего столетия такую же роль в развитии современной архитектуры сыграло традиционное японское зодчество.

То, что первоначально в японской культуре казалось европейцам странностью, даже курьезом и отклонением от «нормы», несколько столетий спустя получило универсальный смысл для всего человечества. Осознать путь, пройденный за эти столетия не только японской, но и европейской культурой, помогает знакомство с тем, как происходила их первая встреча.

1. Впервые изображение Японских островов появилось на карте Гастальди еще в 1550 году. См.: *Loch O. Asia in the Making of Europe. Vol. 1, book 2, Chicago — London, 1965, p. 53, note 4.*
2. *Ibid.*, p. 655.
3. Пинто бывал в Японии несколько раз между 1544 и 1556 годами. См.: *Boxer C. R. The Christian Century in Japan, 1549—1650. Berkeley, 1951, p. 24.*
4. Записки Эскаланте, видимо, можно датировать 1548 годом. См.: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 31.
5. *Ibid.*, p. 31—32.
6. *Luch O. Op. cit.*, p. 658.
7. *Mendes Pinto, Фернан.* Странствия. М., 1972. с. 547.
8. См.: *East-West in Art. Pattern of Cultural and Aesthetic Relationship. London, 1966, p. 155—157.*
9. Цит. по: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 29.
10. *Мендес Пинто, Фернан.* Ук. соч., с. 270.
11. *Science and Culture in Traditional Japan. Cambridge, Mass., 1978, p. 176—177.*
12. *Sansom G. A History of Japan, 1334—1615. Stanford, 1961, p. 346.*
13. См.: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 439.
14. Уже с самого начала деятельность их имела большой успех. Многие крупные феодалы крестились, надеясь привлечь в порты, расположенные на их территории, побольше португальских кораблей и получить доступ к заморской торговле, сулившей им огромные прибыли. Вместе с ними принимали крещение все их подданные. Когда Ксавье через два года уезжал из Японии, там насчитывалась тысяча новообращенных. Спусти три десятилетия, к началу 80-х годов их насчитывалось 150 тысяч из общего числа 600 тысяч во всех странах Азии. См.: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 78.
15. *Ibid.*, p. 401.
16. См.: *Loch D. Op. cit.*, p. 674.
17. *Ibid.*, p. 675.
18. *Cartas que os Padres e Irmaos da Companhia do Jesus escreverao dos Reynos de Japao e China aos da mesma Companhia da India, e Europa, desde anno de 1549 ate o de 1580. Evora, 1598 (Далее — Cartas...).*
19. Цензоры в Европе были недовольны излишне восторженными описаниями Японии во многих письмах и донесениях незуитов. См.: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 55—56.
20. Ф. Ксавье в письме, адресованном главе Ордена И. Лойоле, писал об образованности и эрудиции бонз, вести диспут с которыми может только хорошо подготовленный проповедник. В том же письме он писал: «Я хотел бы послать в Европу двух ученых бонз, чтобы дать тебе представление о японском интеллекте, остром и чувствительном, как нигде в мире». См.: *Luch D. Op. cit.*, p. 672.
21. *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 213—214.
22. Первая часть «Истории Японии» («Historia de Japan») Л. Фруа впервые была издана на немецком языке в 1926 году. См.: *Frois, Luis. Die Geschichte Japans (1549—1578). Leipzig, 1926 (издатель Г. Schurhammer и Е. А. Vorctzsch).* Вторая часть была опубликована в 1938 году. См.: *Frois Luis. Secunda Parte da Historia de Japan (1578-1582). Tokyo, 1938 (издатель J. A. Abranches Pinto и Y. Okamoto).*
23. *Valignano Alessandro. Historia del principio y progresso de la compania de Jesus en las Indias Orientales,*

- 1542—1564.
24. Cartas...
25. См.: *Lach ft. Op. cit.*, p. GOO note 90.
26. Цит. по: *Cooper M. (Ed.) They Came Japan. An Anthology of European Reports on Japan, 1543—1640.* London, 1965. p. 264.
27. Цит. по: *Cooper M. Op. cit.*, p. 48.
28. Цит. по: *Cooper M. Op. cit.*, p. 229.
29. Цит. по: *Cooper M. Op. cit.*, p. 41.
30. Слова Франческо Карлетти. См.: *Cooper M. Op. cit.*, p. 47.
31. *Idem.*
32. Иезуиты не осознавали того, что понятия долга и чести только пнешж- были сходны с европейскими. По существу же, это были еще феодальные нормы чести и долга как преданности сюзерену, а не личностные, утвердившиеся в европейском мире с эпохи Возрождения, где формировалась человеческая личность с новым типом поведения, отношением к себе и к миру.
33. Цит. по: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 75.
34. См.: *Cooper M. Op. cit.*, p. 45.
35. Цит. по: *Cooper M. Op. cit.*, p. 39, 238, 256, 257.
36. Цит. по: *Cooper M. Op. cit.*, p. 260—262.
37. Подробнее об этом см.: *Николаева И.* Японская культура XVI века и чайная церемония. В кн.: Советское искусствознание 77, вып. 2, с. 122—143.
38. Цит. по: *Cooper M. Op. cit.*, p. 216.
39. *Ibid.*, p. 252.
40. *Ibid.*, p. 252-254.
41. Первая книга, напечатанная в Японии с помощью подвижного металлического шрифта — «Деяния святых» (*Santos no Go saguio*), была выпущена в иезуитской реллигнозна школе Кацуна на юг полуострова Симабара в 1591 году.
42. О книге Цицерона известно лишь по письменным источникам, ни одного ее экземпляра не сохранилось. См.: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 193.
43. *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 195.
44. *Arte da Lingoa de Japan (1604)* в третьей части включала в себя многочисленные сведения по истории и литературе, стихи и прозаические отрывки.
45. См.: *Okamoto Y. The Namban Art of Japan.* New York — Tokyo, 1972, p. 100—101.
46. *Ibid.*, p. 102.
47. *Idem.*
48. В 1930 году в южном районе Осака в одном из старых домов, под крышей была обнаружена шкатулка, в которой находилось изображение мадонны с младенцем в окружении пятнадцати сцен из жизни богоматери. Гл.: *Moma S. The Art of Japan. Late Medieval to Modern.* Vol. II. Tokyo — New York — San Francisco, 1978, p. 250.
49. Известно, что в 1585 году во время пребывания в Италии четверых японских юношей они посетили ботанический сад герцога Мантуанского, и его директор Мельхиор Гонландинус подарил им четыре редкие книги и среди них одну с гравюрами, изображавшими европейские города. Скорее всего, с этих именно гравюр и были сделаны ширмы. См.: *Okamoto Y. Op. cit.*, p. 136—137.
50. *Ibid.*, p. 142.
51. Разновидностью этого типа были такие работы, как «Люди всего мира», «Люди сорока двух стран», «Люди пяти континентов», при этом этнографический типаж и костюмы были переданы со значительной степенью точности. См.: *Okamoto Y. Op. cit.*, p. 138.
52. См.: *Okamoto Y. Op. cit.*, p. 144.
53. Во время посещения Алессандром Валиньяно Хидзэси в Киото в 1591 году среди сопровождавших его двенадцати португальцев находился Игнасио Морейра, человек, разбиравшийся в топографии и составлении карт. Он пробыл в Японии более двух лет и за это время составил топографический план западного побережья, а также собрал материалы об очертаниях восточных берегов. На основе этого он составил карту Японии, которая не сохранилась, но, возможно, оказала влияние на карты, написанные на ширмах. См.: *Okamoto Y. Op. cit.*, p. 133—135.
54. В одном из писем Ф. Пасно говорилось о том, что Хидзэси «так понравилась португальская одежда, что он сам и его вассалы часто носят эту одежду, также и другие японские феодалы и даже аристократы...». Цит. по: *Boxer C. R. Op. cit.*, p. 207.
55. В настоящее время сохранилось около 60 ширм намбан, многие на сходные, а иногда и на идентичные сюжеты. См.: *Noma S. Op. cit.*, p. 239.
56. См. *Science and Culture in Traditional Japan*, p. 168—170.
57. До сих пор в японском языке сохраняются слова, заимствованные из португальского — «пан» (хлеб), «сараса» (ентец), «биродо» (вельвет) и др. См.: *Иянага Сабуро.* История японской культуры. М., 1972. с. 140.
58. См.: *Charles P. Les premiers Japonais en Europe.* Louvain, 1934, p. 36—38.
59. Подробнейшая инструкция А. Валиньяно, ке предназначавшаяся для посторонних глаз, весьма любопытна с точки зрения закусной стороны организации миссии японских послдов и собственных интересов иезуитов. Так, в пунктах 13—15 он говорит о том, что миссия преследует две цели: одна — для утверждения в сознании европейцев Японии как страны перспективной с точки зрения проповеди христианства; вторая — для того, чтобы открыть японцам славу и величие христианской религии и поддерживающих ее могущественных государств. «Для достижения первой цели необходимо, чтобы японцы были представлены Его Величеству, Его Святейшеству, некоторым кардиналам и многим европейским властителям, таким образом, чтобы, когда они встретятся с ними и будут с ними разговаривать, они поняли, что это способные и благородные юноши. После этого они больше не будут считать вымыслом и неправдой то, что отцы, (иезуиты) написали по этому поводу и тем самым мы будем в состоянии поощрить этих властителей помогать
- Японии <...> Чтобы достичь второй цели, к чему мы очень стремимся, необходимо, чтобы означенные властители хорошо отнеслись к этим юношам и приветливо их принимали, тогда те осознают величие наших государств, а также красоту и богатство наших городов и высокий престиж нашей религии во всех этих государствах и городах. А для этой цели будет мудрым при дворе Его Величества, в Португалии и в Риме и в большинстве городов, через которые они будут проезжать, показывать им необыкновенные и великие вещи, такие как здания, храмы, дворцы, сады и другие подобные места, а также серебряные предметы, богатые ризницы и другие предметы, которые будут для них поучительными, но чтобы они не видели и не знали других вещей, которые могут дать им противоположное представление» (тут Валиньяно имел в виду в первую очередь протестантизм). См.: *Les Instructions du Pere Valignano pour l'ambassade japonaise en Europe (Ooa, 12 dicembre 1583).* Ed. par J. A. Abranches Pinto et H. Bernard.— *Monumenta Nipponica*, № 6, 1943, p. 395—397.
60. *De Missione Legatorum Japonensium ad Romanam curiam, rebusq; in Europa, ao. toto itinere animaduversis dialogus exephemeride ipsorum co Meetus, & in sermonem latinum versus ab Eduardo de Sunde Sacerdote Societatis JESU cum (aculate. Ordinarij, & Superiorum. Macau, 1590.* В переводе на японский язык книга была издана в 1942—1943 гг.: *Okamoto S.* Кюсю санко кэн-о сисэцу коки. Токио, 1942—1943.
61. Изложение их путешествия со всеми подробностями содержится в книге: *Fnnis Luis. Tratado dos embaixadores Japoos que farao de Japao a Roma no anno de 1582.— Monumenta Nipponica. Monographs, n 6; ed. by J. A. Abranches Pinto. Y. Okamoto. H. Bernard. Tokyo, 1942.*
62. *Ibid.*, p. 48—49. Перевод П. Мельникова.
63. *Ibid.*, p. 69. Перевод П. Мельникова.
64. См.: *асЛ ft Op. cit.*, p. 694.
65. *Fruis Lu s. Op. cit.*, p. 84—88. Перевод П. Мельникова.
66. Текст его, также содержащийся в книге Л. Фруа (с. 110), весьма любопытен: «Граф, член Нашего Совета и Наш посол! Прибыли с отцами-иезуитами в наши края дон Манено, внук короля Фунунга, и дон Мануэл, кузен короля Арима, и дон Жулиан, и дон Мартин; будучи обращены в христианство, решили прибыть сюда и лобзать ступню Его Святейшества вместе с вышеназванными отцами-иезуитами; и поскольку вернувшись в свои земли, будут рассказывать о том, как их здесь принимали, а другие будут за ними повторять, и это будет трогать души, наказываю Вам предлагать им всяческую помощь и почести и проявлять благорасположение, так, чтобы это было примером приема их при Дворе, поскольку это справедливо, а также потому, что ими сделан хороший выбор, и уведомляйте

- меня о том, как они придут, и о милостях, которыми Его Святейшество их одарит». Дано в Мадриде 24 ноября 1584 года». Перевод П. Мельникова.
67. См.: *Berchel G. Le antiche Ambasciate Giapponesi in Italia. Venecia. 1877.*
68. *Breve Raguaglio. Dell'isola del Giappone. Et di questi Signori, che di la son venuti a dar obedientia alia Santita di N. S. Papa Gregorio XIII. In Bologna per Aletsandro Вевясси, 1585.*
69. Лясько Маркантино Толоче*. *Sannei G. I principi giapponesi a Siena nel 1585.— Bulfettino Senese di storia patria, 1894, I, p. 126.*
70. *Gutierrez B. La prima ambascieria giapponese in Italia. Milano. 1938.*
71. См.: *Lach D. Op. cit., p. 700; Okamoto Y. Op. cit., p. 143.*
72. *Gutierrez B. Op. cit., p. 56—57.* Перевод П. Мельникова.
73. См.: *Lach D. Op. cit., p. 697*
74. *Idem.*
75. *Tutti Q. The Japanese Ambassadors a* Rowan Patricians.— East and West, 1951, Roma, II.*
76. *Frois Luis. Op. cit., p. 230.*
77. Ф. Бонкомлаини приводит выдержку из книги Берше (*Berchel G. Le antiche Ambasciate Giapponesi in Italia, Venecia, 1877*), который на с. 32 пишет следующее: «На вечную память о японском посольстве Сенат заказал знаменитому живописцу Тинторетто написать портрет четырех японцев, чтобы поместить его в зале Большого Совета, и с этой целью выделил 2000 дукатов; но я не смог выяснить, почему эта картина не была выполнена, хотя, по свидетельству Ридольфи, Тинторетто будто бы написал только портрет Ито Мансио, который на- ходился в его доме во время его смерти и позже о нем не было известно». В книге Бонкомлаини был опубликован ряд документов, в одном из них (за № 41), составленном в Венеции 6 июля 1585 года, говорится: «... В четверг утром они пошли прощаться с Его Светлостью и Синьорией, были одарены тысячу скудо и множеством одежд и позировали в зале Большого Совета знаменитому живописцу Якопо Тинторетто». См.: *Восотрагни, Francesco, Le prime due ambasciate dei Giapponesi a Roma (1585—1615), Roma, 1903.* Указание о портрете японского посла имеется в кн.: *Thode, H. Tintoretto. Bielefeld und Leipzig, 1901, S. 80.* У современных исследователей творчества Тинторетто сведений о портрете нет. См.: *Tintoretto Jacobo. L'opera complete del Tintoretto. Milano. 1970.*
78. После возвращения в Японию молодые посланцы неоднократно встречались не только со своими родными — даймё Аркма, Отома и Омюра, но и другими представителями японской феодальной знати. А. Валиньяно сопровождал их в Киото, где они были приняты Тоитоми Хидзёи и показывали ему привезенные из Европы книги, картины, карты, глобус, астролябию. Они также рассказывали о всех приемах и городах, в которых они побывали, о маршруте своего морского путешествия и т. п.
79. См.: *Lach D. Op. cit., p. 701, 705.*
80. См.: *Frois Luis. Op. cit., p. 166.*
81. *Gutierrez B. Op. cit., p. 67.* Перевод П. Мельникова.
82. Правда, в отличие от Китая, где такая точка зрения оставалась незабл- мой на протяжении всей его истории, в Японии она была менее явной, хотя бы потому, что многие основополагающие идеи, в первую очередь буддизм, пришли из-за границы, из Китая и Кореи: именно поэтому *то* сравнению с другими народами Азии японцы встретили и европейцев более доброжелательно. См.: *Noma S. Op. cit., p. 237.*
83. *Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. М., 1978, т. II, с. 189.*
84. Из отчета А. Валиньяно «Sumario», написанного в 1580 году и дополненного в 1583 году. Цит. по: *Boxer C. R. Op. dt., p. 75—7v.*
85. Автор так расшифровывает понятие национальной картины мира и национального воспроизведения мира: «какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: строй мира, миропорядок) изображает он в своем художественном творчестве». *Ганев Г. Д. О национальных картинах мира.— Народы Азии и Африки, 1967, № 1, с. 77—92.*
86. Из новеллы «Усмешка богов», как раз посвященной проблеме распространения христианства в Японии XVI века, которому сопротивляются местные «духи» и «боги»; в новелле иезуит падре Органтиньо встречается со старцем, олицетворяющим «дух Японии», который говорит о том, что все, когда-либо приходившее в Японию из чужих земель, постепенно превращалось в свое, так было с буддизмом, так будет и с христианством. См.: *Рюноске Акутасаа. Избранное. В двух томах. М., 1971, т. 2, с. 11—14.*